Лето новой жизни

Христианские рассказы для детей

Лето новой жизни

Христианские рассказы для детей

Одесса
"Христианское просвещение"
2010

ББК 86.37

Лето новой жизни — Одесса: Христианское просвещение, 2010. — илл., — 106с.

ISBN 5-8404-0235-4

Содержание

ЛЕТО НОВОЙ ЖИЗНИ

С рождением близнецов семья у Кашиных заметно выросла. Новорожденным долго придумывали имена, хотели найти самые красивые и самые лучшие. И наконец выбрали. Сестренок назвали Ирина и Марина.

Сначала девочек невозможно было различить, но чем старше они становились, тем меньше походили друг на друга. Марина была веселая и подвижная, с черными, круглыми, как бусины, глазами и светлыми, мягкими, словно пух, волосами. Целый день она неутомимо сновала по дому, и то там, то тут раздавался ее заразительный веселый смех.

А Ирина росла спокойной и молчаливой. Она была заметно выше своей сестренки, смуглая, с большими карими глазами. Ирина могла подолгу

играть с куклой, собирать и разбирать пирамидку, листать книжку с картинками или рисовать. Ее голоса почти не было слышно.

Старшие дети поделили двойняшек между собой. Мальчики выбрали Марину, а девочки — Ирину.

— Наша Марина всем нравится! — хвалились мальчики. — Она такая забавная!

— Иринка тоже хорошая , — не отставали девочки. — Она такая умная!

— Они обе наши , — поправляла мама детей , — и обе хорошие.

Прошло семь лет с тех пор, как у Кашиных появились двойняшки. Приближался сентябрь. Уходящее лето уносило с собой тепло и беззаботность.

Тридцать первое августа, как и другие дни, закончилось у Кашиных молитвой. Свет в доме погас. Все уснули. И только Марина с Ириной от волнения не могли спать и долго шептались под одеялом. Ночью они несколько раз просыпались, потому что боялись опоздать в школу. А как только забрезжил рассвет, двойняшки, одетые в школьную форму, стали будить своих братиков и сестричек.

Первый день, проведенный в школе, оставил много впечатлений. Марина успела познакомиться почти со всеми одноклассниками и дома без умолку рассказывала, кто как выглядит, называя детей не только по имени, но и по фамилии.

Непоседу Марину Кашину скоро знала вся школа. На перемене она успевала сбегать на третий этаж, где занималиь ее старшие братья и сестры, заглянуть в столовую и спортзал. На уроках она часто оглядывалась на четвертую парту, где сидела Ирина, и иногда что-то шептала ей.

Дома Марина была такой же неугомонной. Она всегда успевала сбегать к бабушке, узнать, что делает соседка тетя Варя, поиграть в классики и, как ни в чем не бывало, вовремя прийти домой.

Родители частенько наказывали свою дочь-шалунью и учили ее делать добро, слушаться старших, доводить начатое дело до конца. Но у Марины это плохо получалось. Ей хотелось забавляться, хотелось весело проводить время. Хотя она и принималась помогать маме, присматривать за малышами или наводить порядок в доме, но это ей скоро надоедало, и она, бросив незаконченную работу, убегала на улицу. Случались у Марины и ссоры, нередко она обижала младших, без стеснения обманывала родителей.

Так прошло пять лет. Марина с Ириной учились уже в шестом классе. Они по-прежнему сидели на разных партах. Ирина оставалась такой же незаметной, а Марина стала заводилой в классе.

"Так не хочется идти на географию!" — как-то раз подумала она на уроке литературы. Потом вдруг оживилась, что-то быстро написала на клочке бумаги, поспешно свернула его и подписала: "*Девочкам*".

— Передай , — протянула она записку мальчику на второй парте.

Тот понимающе кивнул, и записка незаметно пошла по классу. "*Девочки, географичка заболела! Я видела ее вчера в аптеке. Пойдемте сразу после урока в универмаг!*"

Как только прозвенел звонок, девочки шестого класса дружно отправились в магазин.

Иногда Марине на уроке передавали записку: "Маринка, придумай что-нибудь. Надоело сидеть". И Марина придумывала. На следующий урок учительница входила в пустой класс.

Когда же классная руководительница пыталась выяснить, кто сорвал урок, ребята дружно молчали и с напускным удивлением поглядывали друг на друга. Ирина тоже молчала и, наученная сестрой, даже дома ничего не рассказывала.

Марина знала, как нужно вести себя, но у нее не хватало на это силы. Она часто подсказывала младшим, что нужно хорошо учиться, внимательно слушать учителя. Если кто-нибудь из детей проказничал, она немедленно сообщала об этом родителям, свои же проделки тщательно скрывала. И только когда папа читал Библию или на собрании Марина слышала проповедь, ей становилось стыдно, что она поступает не так, как хочет Иисус.

Как-то перед Новым годом Павел Титов, руководитель подростковой группы, со своей женой Лю-

бой предложили детям посещать дополнительные занятия по музыке и пению. Научиться правильно петь и играть захотели и девочки Кашины.

Занятия начались на зимних каникулах. С тех пор Марина с Ириной каждую среду ходили к Титовым. Вместе с другими мальчиками и девочками они разучивали христианские песни, учились играть на мандолине.

Каждый раз перед началом занятий Павел читал какой-нибудь отрывок из Библии и объяснял детям, как его нужно понимать. После таких общений Марина все чаще и чаще стала задумываться о своем поведении: "В школе все считают меня верующей, но я ведь такая же грешница, как и они. Я отличаюсь от них только тем, что живу в христианской семье..."

Переживания Марины становились особо ощутимыми, когда она оставалась одна. Совесть сильно мучила ее.

"Все, больше не буду обманывать" , — давала она себе слово, но не проходило и дня, как с языка срывалась неправда или какая-нибудь ловко придуманная история.

"Не буду больше прогуливать уроки... Постараюсь быть хорошей и сдержу свое слово" , — не раз зарекалась Марина. Но наступивший день ничем не отличался от предыдущего. Она не находила в себе сил отказаться от какой-нибудь затеи. Жела-

ние вызвать восхищение у одноклассников, их лестные одобрения вдохновляли ее на плохие поступки и заглушали встревоженный голос совести.

По вечерам, когда все ложились спать, веселая и беззаботная девочка давала волю слезам. Все, что она говорила и делала днем, со всеми подробностями всплывало в сознании и тревожило душу. Марина мучилась от бессилия и каждый раз засыпала с твердым намерением: завтра вести себя хорошо, не обманывать, быть послушной... Но, к сожалению, решения начать новую жизнь хватало только до утра.

Марину начали одолевать тяжелые мысли: "Почему Бог не слышит меня? Сколько раз уже я просила Его о помощи, и все бесполезно... Я ведь не хочу грешить!"

Когда Марина слушала проповедь на собрании, а особенно когда папа читал Библию перед вечерней молитвой, ей хотелось попросить прощения у Бога. Она понимала, что ей нужно покаяться, но сделать это было очень трудно. Ложный стыд, смешанный со страхом, туманил ее сознание.

"Что скажут в школе? — переживала Марина. — Ведь все считают меня верующей! И если я покаюсь, меня неправильно поймут..."

Ни с кем из друзей Марина не могла поговорить откровенно о своих проблемах и от этого была еще несчастней. Слушая Павла Титова на занятиях по

музыке, Марина часто смотрела ему в глаза, надеясь, что он заметит ее переживания.

"Если бы он хоть о чем-нибудь спросил, я бы ему все-все рассказала..." — думала она.

Но Павлу даже на мысль не приходило, что у этой жизнерадостной девочки могут быть такие серьезные переживания. Наконец Марина не вытерпела и решила открыться сестре.

— Иринка, я хочу тебе что-то сказать , — как-то вечером прошептала она. — Знаешь, я — грешница... Что мне делать? Ирина бросила на сестру беспокойный взгляд.

— Я только на вид такая веселая, а на самом деле знаешь, что творится во мне! — Голос Марины дрогнул, и она, закрыв лицо руками, простонала: — Сколько ни пытаюсь исправиться — все бесполезно...

— Думаешь, только ты такая? — тяжело вздохнула Ирина. — Я тоже грешница и давно об этом думаю. Мне тоже хочется покаяться.

Слезы потекли по ее щекам, без слов свидетельствуя о сердечных муках.

С этих пор Марина с Ириной часто говорили о покаянии, о своих внутренних беспокойствах, о бессилии бороться с грехом.

Закончился еще один учебный год. После экзаменов, теперь уже семиклассники, мальчики и девочки распрощались на долгие летние каникулы.

Но уроки по музыке у девочек Кашиных продолжались и летом.

В один из вечеров, перед началом занятий, Павел прочитал из Евангелия стих, который помог Марине сделать решительный шаг в жизни.

— "Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит? или какой выкуп даст человек за душу свою?"

Павел положил Библию на стол, внимательно посмотрел на подростков и сказал:

— Друзья, вполне возможно, что вы не стремитесь приобрести весь мир и можете подумать, что это слово к вам не относится. Но я хочу напомнить, что все мы склонны приобретать славу, друзей, разные сокровища, а о душе заботимся меньше всего.

Иисус Христос говорит, что все богатства мира — ничто по сравнению с душой человека. Ее невозможно выкупить никакими сокровищами.

Настанет день, когда Бог потребует у нас отчет за прожитую жизнь. Тогда потеряет всякое значение то, как относились к нам друзья, сколько у нас было денег, что мы ели, какую одежду носили. Важнейшую роль будет играть наша принадлежность Богу и то, как мы относились к спасению, которое Он подарил нам.

Мы не можем выкупить свою душу, но Бог предлагает нам искупление даром. Поэтому, пока есть время, спешите покаяться перед Ним в своих гре-

хах, не пропустите возможность примириться с Богом! Он даст вам жизнь вечную, пошлет силу победить грех и вселит в сердце радость спасения.

Марина все ниже и ниже опускала голову. То, что она слышала, обжигало пробужденную совесть и обвиняло в грехах.

"Нужно каяться! — подсказывало сердце. — Я живу как безбожница, у меня нет мира с Богом..." Но другая настойчивая мысль останавливала: "Можно подумать, ты такая одна. Наташа и Вера Сомовы, Оля, Света, Тима и Олег еще хуже... Ты только в школе плохо ведешь себя, а они и на подростковых общениях всегда смеются, специально громко разговаривают".

Эту мысль тут же отстранила другая: "Не смотри на них. Какая тебе польза от того, что уважают друзья и что ты неплохо выглядишь в глазах людей? Ведь душа твоя не спасена..."

Слезы ручьем бежали из глаз, и Марина не успевала их вытирать. Снова и снова Дух Святой напоминал ей о жертве Иисуса Христа и о ее собственных грехах. С трудом дождавшись конца проповеди, Марина опустилась на колени:

— Боже! — вырвалось у нее. — Прости меня! Я очень—очень нехорошая! Спаси меня, Господи! Помоги мне не грешить!

Словно огромная глыба свалилась с души. В этот вечер Марине было так хорошо, как никогда рань-

ше. С особым желанием она разучивала новый гимн, по-новому зажглась в ней мечта петь в хоре и играть в оркестре.

Домой Марина шла, сияя от счастья, а Ирина была очень грустная. Сознание грехов мучило ее, но преодолеть стыдливость и вслух признать свою греховность у нее не хватило ни силы, ни смелости.

А у Марины в сердце бурлила радость. Ведь ее грехи прощены, и теперь она сможет жить по-новому!

"И зачем я так долго мучилась? — удивлялась теперь она. — Как легко, как хорошо быть прощенной! А Иринка... она так страдает..."

Уже поздно вечером Марина прошептала сестренке на ухо:

— Я буду молиться, чтобы ты тоже покаялась. Через две недели радость прощения наполнила и сердце Ирины. Для девочек наступило лето новой жизни. Правда, не всегда и не все доставалось им легко и просто. Трудно было слушаться родителей, не всегда получалось повиноваться старшим и уступать младшим, часто хотелось доказать свое, похвалиться собой. Чуть ли не каждый день Марина с Ириной должны были просить прощения то за обиду, то за сказанную неправду, то за очередную ссору или за гордость.

Наряду с этим были и победы, когда получалось сделать что-то хорошее, простить обидчика, выпол-

нить просьбу мамы или помочь бабушке. В таких случаях сердце наполнялось теплом и с новой силой влекло к Богу, побуждало к любви и доверию.

И снова приближался сентябрь. С каждым днем волнение Марины увеличивалось. Немного страшила встреча с одноклассниками: как они воспримут происшедшую в ней перемену? Марина знала, что ей нужно будет отказаться от роли организатора и перед всеми засвидетельствовать о своей принадлежности Богу. Своими тревогами она делилась с Иринкой, и они часто молились о том, чтобы Господь помог им быть образцом для одноклассников и не поддаваться их уговорам сделать что—нибудь плохое.

Первая неделя занятий прошла благополучно. Появились новые предметы, домашних заданий почти не было, и ученики с интересом слушали учителей. Но когда начали задавать уроки на дом, заниматься стало труднее. Марина с затаенной тревогой стала ожидать предложения сорвать какой-нибудь урок. И вскоре оно поступило.

— Маринка, избавь нас от химии! — шепнул ей на алгебре высокий мальчик с соседнего ряда. — Придумай что-нибудь, а я сообщу.

У Марины перехватило дыхание. Она сразу даже не нашлась, что сказать, и только покачала головой. Мальчик непонимающе посмотрел в растерянные глаза Марины и уловил едва слышное:

— Не могу!

— Не могу! — повторила Марина.

Мальчик ничего не сказал и скучающим взглядом стал что-то рассматривать за окном.

— Маринка! — окружили ее товарищи, как только прозвенел звонок. — Сообрази что-нибудь, надоели уже эти уроки!

Все в ожидании смотрели на Марину с готовностью тут же воспользоваться ее предложением, но она словно онемела.

— Быстрей! Скоро звонок!

— Я теперь не буду заниматься этим , — заметно волнуясь, сказала Марина.

— Что? — всколыхнулись одноклассники.

— Я верующей стала.

— Верующей? Ты и раньше была верующая! — выкрикнул сосед по парте.

— Кашина, не притворяйся , — заметил староста. — Мы же знаем, что у тебя всегда хорошо получалось всякое такое...

— Я правду говорю! Раньше я только считалась верующей, а теперь по-настоящему поверила.

— Это твоя очередная идея! — выкрикнул кто-то.

Спасительная трель звонка прервала их оживленный разговор. В класс вошел преподаватель.

Марина сознавала, что этих объяснений недостаточно, видела, что одноклассники так и не поняли ее до конца. Их интересовало одно: притворяется она или говорит правду?

"Иисус, помоги мне не соглашаться на греховные дела!" — мысленно просила она.

Спустя неделю на внеклассном часе Марина попросила слово. С легкой дрожью внутри она вышла вперед и, взвешивая каждое слово, рассказала о том, что привело ее к Богу. Затем попросила прощения у классного руководителя, у одноклассников.

В классе воцарилась гробовая тишина. Такого от Марины Кашиной не ожидали. Все смотрели на нее с нескрываемым удивлением и недоумением.

После этого разговора круг друзей у Марины значительно сузился. Потекли будни — строгий экзамен всему, о чем она свидетельствовала.

Одноклассники по-разному относились теперь к Марине. Одни по-прежнему уважали за то, что у нее дела не расходятся со словами, другие насмехались, при удобном случае подкалывали и за малейший промах старались поднять на смех.

Но Марина не унывала. Ирина оказалась ее хорошей, верной подругой и в трудные минуты утешала, поддерживала в молитве.

Лето новой жизни продолжалось и в грустные осенние дни, и в зимнюю стужу. Новая жизнь росла, крепла в сердце Марины и Ирины и все больше влекла их к небу.

К СЕБЕ БУДЬ СТРОГ

Утро. Легкий ветерок плавно раскачивает белоголовые ромашки в густой зелени трав и, пробегая по верхушкам берез, теребит их упругие ветви. Первые лучи солнца мягко скользят по белым стволам, отражаются в прозрачных капельках росы, заглядывают в птичьи гнезда. Роща звенит многоголосым пением пернатых.

По заросшей тропинке оживленно пробирается группа подростков с рюкзаками за спиной. Впереди бодро шагает высокий мальчик.

— Веня! — окликнул его друг, догоняя. — Глянь,сколько гнезд! Потом посмотрим с тобой птенцов?

— Обязательно! Я не думал, что здесь их так много , — поднял голову Веня.

Это был традиционный поход подростков за город в конце учебного года. Цель похода — благодарственное общение и небольшой отдых.

Больше двух месяцев мальчики и девочки готовились к походу и часто собирались в доме у Вени. Они повторяли выученные стихи из Священного Писания, пели. Бенин друг, Володя, обычно играл на гитаре, Веня — на аккордеоне. За пианино садилась Катя. Вене нравилась музыка, он любил петь, особенно дуэтом. Они с Володей выучили несколько новых гимнов. Участие друзей тоже радовало Веню, и он с удовольствием слушал их.

Как-то во время подготовки, неожиданно для себя, Веня отметил, что Катя лучше всех рассказывает стихи и красиво играет на пианино. Все чаще и внимательней он стал прислушиваться к ее голосу, наблюдать за ее поведением.

Каждый день Веня виделся с Катей в школе, и она нравилась ему все больше и больше. Вене очень хотелось поговорить с ней о чем-нибудь. Раньше он никогда не видел в ней ничего особенного, а тут вдруг обратил внимание, что она доброжелательна и справедлива, внимательна и добра ко всем. Веня стал замечать, что относится к ней не так, как к остальным девочкам. Но Катя не выделяла Веню среди мальчиков, и это его волновало. Он надеялся, что в походе ему удастся поговорить с ней и узнать ее мнение о нем.

Вот и широкая поляна, окруженная стройными березами. Веня постарался сесть так, чтобы хорошо видеть Катю и хотя бы по взгляду понять, нравится он ей или нет.

Он мало слышал, о чем говорили воспитатели: Валентин, Рая и Олег. До его слуха долетали только отдельные фразы, а мысли витали вокруг Кати. Когда друзья начинали петь, Веня возвращался к действительности и тоже пел. Пел громко, изо всех сил, так, чтобы Катя обратила на него внимание.

Потом он прочитал стихотворение, уверенно, выразительно, и испытующе посмотрел на Катю. Заметила ли она его старание?

Общение продолжалось. Валентин предложил провести экзамен-повторение и пустил по кругу разноцветные карточки. Веня взял зеленый квадратик и, прочитав вопрос, огорчился. Тут и отвечать нечего — все так просто! А какой вопрос у Кати? Знает ли она ответ? Веня посмотрел на девочек и заметил, что лицо Кати спокойно и сосредоточенно. Из раздумья его вывел голос Валентина. Оказывается, ответили уже четверо и теперь его очередь!

— По какому признаку люди будут узнавать учеников Христа? — прочитал Веня свой вопрос, спотыкаясь чуть ли не на каждом слове.

Его взгляд рассеянно блуждал по карточке. Помолчав, он сбивчиво, с подсказками, процитировал

золотой стих из 13 главы Евангелия Иоанна и, сконфузившись, сел.

Такого с Веней еще не случалось. Ему было стыдно и неловко перед друзьями, воспитателями, перед Катей. Но уже ничего не поправишь.

"Даже вопрос прочитать нормально не мог! — досадовал он на себя. — Скорее бы закончилось общение!"

Веня исподлобья глянул на Катю. Внутри у него все горело от досады и стыда. Что она подумала о нем?

Перевалило за полдень. Пока дежурные готовили обед, Валентин предложил поиграть в "платочек". Ребята тут же сели в круг и замерли в ожидании. Кому ведущий бросит платочек? Водить хотелось всем. Веня напряженно ждал. Он так хотел, чтобы платочек положили ему, и тогда... он обязательно кинет его Кате! Наконец-то Володя ведущий! Он уж не пробежит мимо Вени. И точно!

Веня вскочил, не торопясь пробежал круг и, затаив дыхание, бросил платочек Кате. Присев на свободном месте, Веня перевел дух. Во рту у него пересохло, сердце неистово колотилось. Он украдкой наблюдал за Катей, кому она положит платочек.

Вдруг все, будто сговорившись, посмотрели на Веню. Он быстро обернулся. За его спиной лежал платочек. Яркая краска залила его лицо, шею, уши. Схватив белый мягкий комочек, Веня бросился вдогонку, но Катя уже успела сесть в круг.

"Она положила мне, она положила мне!" — стучало в висках, и Веня, ног не слыша под собой, сделал два круга и снова бросил платочек Кате. С немного деланным возмущением Катя поднялась и побежала. И опять мягкий комочек упал за Вениной спиной.

— Почему они только вдвоем играют?! — возмутились друзья.

Действительно, играли только Катя и Веня. Он уже ничего не замечал, не обращал внимания на справедливое негодование друзей, не слышал предупреждения Валентина.

И только когда круг заметно поредел, Веня остановился. Прерывисто дыша от волнения, он растерянно смотрел вслед уходящим друзьям. Володя и тот, не оборачиваясь, медленно уходил в рощу. Веня невольно взглянул на Валентина и вяло опустил руки. Проницательный, полный грусти взгляд говорил о многом. До боли сжимая в кулаке платочек, Веня только сейчас понял, что сделал что-то очень нехорошее. До самого вечера он ходил как потерянный. Его теперь не интересовали ни птицы, ни гнезда.

Солнце медленно скатилось к горизонту, и подростки проторенной дорожкой отправились в город. Полупустые рюкзаки больше не давили плечи, а прошедшее общение наполняло сердце радостными воспоминаниями. И только игра, закончившаяся так неудачно, оставила неприятный след.

Веня шел самым последним. Тень разочарования и недовольства лежала на его смуглом лице.

— Веня, мне не понравилось сегодня твое поведение , — отстав от друзей, тихо сказал Валентин. — Самая большая беда не в том, что ты огорчил всех во время игры...

Веня понял, что Валентин догадывается о его переживаниях, и, сгорая от стыда, смотрел себе под ноги.

"Зачем я все это затеял? — корил он себя. — Надо было вообще отказаться от похода... Лучше бы дома остался..."

— Тебе самому понравилось то, что ты сделал?

— Нет... — мотнул Веня головой и нахмурил брови.

— Я рад, что ты сознаешь это, и хочу по-дружески поговорить с тобой о тех чувствах, которые пришли к тебе. Ты же взрослеешь, Веня! Ты вступаешь в прекрасную и очень ответственную пору жизни — юность и должен знать, как вести себя, чтобы не просто прожить, как все, а сохранить себя для Бога, для церкви, для будущей семьи.

Никто еще не разговаривал с ним так откровенно. Густо покраснев, Веня сначала хотел уйти от разговора, но желание знать, что с ним происходит и как победить себя, взяло верх. Сдерживая дыхание, Веня слушал Валентина с замирающим сердцем.

— Бог так устроил человека, что в юности у него пробуждается влечение к противоположному полу, — продолжал Валентин. — Этого чувства не надо бояться, потому что все, данное нам Богом , — прекрасно, но чувства свои необходимо держать под контролем.

В мире одобряется и даже поощряется дружба мальчиков и девочек. Среди современной молодежи господствует безнравственность и разврат. Богу же это не нравится. Веня, влечение к девушке нужно для создания семьи, поэтому ты должен сберечь это чувство для той, которая станет твоей женой. Для этого еще придет время, а сейчас твоя задача — сохранить чистоту души, сохранить свое целомудрие. Направь все силы юности своей на другое — глубже изучай Писание, укрепляйся в вере. А придет время любить — Господь пошлет тебе верную подругу и благословит твой брак. Знай, что твое поведение сейчас , — залог будущих благословений.

Хочу напомнить тебе слова пророка Иеремии, который жил в трудное время и, несмотря на молодость, верно выполнял порученное Богом дело. Этот пророк говорил Богу: "Ты влек меня, Господи , — и я увлечен". Мне очень нравятся эти слова, мое сердце живо откликается на них. Представляешь, как это прекрасно — быть увлеченным Господом!

Веня, я вижу, что Господь тебя тоже влечет. Твое покаяние, ревностное участие в богослужениях,

интерес к Библии говорят о том, что ты любишь Бога. Это правда?

— Правда , — согласился Веня.

— Поэтому будь очень осторожным со своими чувствами, направь к Господу всю свою энергию, весь пыл юности и полюби Его еще больше. И если Господь влечет, дай Ему возможность увлечь тебя!

Ты никогда об этом не пожалеешь!

А за отношением к девочкам следи строго, Веня! Не надо чуждаться их или сторониться. Но надо наблюдать за мыслями и направлять их только к чистому, светлому, доброму. Как дар Божий, как драгоценность, сохрани свои чувства в чистоте, и Бог непременно вознаградит тебя!

Веня уже не смотрел себе под ноги. В его глазах заискрилась надежда. Как нравилось ему то, что говорил Валентин! Как хотелось ему жить для Бога! Веня был искренне благодарен Валентину за то, что он помог ему разобраться в себе.

РОСТОК ВЕРЫ

Самолеты бомбили город. Воздух сотрясали оглушительные взрывы снарядов дальнобойных орудий, стрелявших с моря. Даша с матерью и двумя младшими братиками вместе с другими жителями Анапы бежали из города на ближайший хутор. Одной рукой Даша крепко держала за руку пятилетнего Юрика, а в другой — несла небольшой узел с вещами. Мать несла трехлетнего Вовочку.

К вечеру, усталые и изнемогшие, они добрались до Капустного хутора и вошли в крайний домик, пустой, мрачный и неуютный.

Миновала тревожная ночь. Утром, поручив детей Даше, мать отправилась на поиски пищи. Проводив ее на улицу, Даша огляделась. За домом, вместо аккуратно разбитых грядок, высокой стеной

возвышался бурьян. "Наверное, здесь давным-давно уже никто не живет" , — грустно подумала Даша.

Через плетень, сквозь буйную зелень деревьев, виднелась крыша соседнего дома. Со двора доносился хриплый крик петуха. Чисто-голубое небо обещало ясный день. Даше так захотелось домой, в город! Невеселые мысли навевали грусть и тревогу. Война... Сегодня они провели первую ночь под чужой, неласковой крышей. А что будет с ними завтра? Вернутся ли они еще домой? Пойдет ли она в сентябре в школу?

Даша все еще стояла у калитки, как вдруг услышала приближающийся гул. Она внимательней посмотрела на небо. Гул нарастал, и вскоре в вышине показался большой самолет. Через несколько секунд он резко снизился, сбросил две бомбы и тут же скрылся из виду.

Даша опрометью кинулась в дом.

— Юрик, Вовочка, вставайте! — затормошила она малышей. — Нас бомбят, прятаться надо!

В это время где-то совсем рядом раздался сильный взрыв. За ним — второй. С потолка посыпалась штукатурка, послышался звон разбитого стекла. Дети, испуганно тараща глазенки, вцепились в Дашу. Она схватила их за руки и выбежала из дома.

— Спрячьте нас где-нибудь, пожалуйста! — в отчаянии попросила она женщину из соседнего дома.

— У нас негде спрятаться, девочка , — беспомощно развела та руками. — Беги во-о-он на тот хутор , — показала она в сторону холма. — Там бомбоубежище есть. Беги скорее, родная!

Даша оглянулась. Сердце екнуло. Далеко-то как! Смогут ли мальчики пробежать несколько километров?

— А мама тоже пойдет с нами? — робко спросил Юрик, и голос его задрожал, будто он хотел заплакать.

— Да, она потом придет , — успокоила его Даша, направляясь через луковое поле к ручью.

Ручей оказался неглубоким, и Даша, осторожно ступая по камешкам, перенесла детей на другой берег. По обе стороны ручья, в камышах, ходили солдаты.

На детей никто не обратил внимания. Даша подхватила Вову и пустилась бежать, изредка поглядывая на небо. Юрик едва поспевал за ней.

Вот и первый дом.

— Спрячьте нас, пожалуйста! — жалобно попросила Даша, забежав во двор.

— Проходите, бедняжки, проходите! — ласково пригласил детей старик с большой белой бородой. — Здесь можно спрятаться.

В бомбоубежище дети просидели до утра. Даша волновалась за маму. Где она? Жива ли? Она, наверное, тоже переживает...

Когда рассвело, Даша разбудила мальчиков и вместе с ними вышла из укрытия. Стояло тихое летнее утро. Не верилось, что только вчера рядом рвались снаряды, горела земля, умирали люди... Вчерашний день вспоминался как тяжелый, страшный сон.

Обласканные теплым солнцем, дети направились на Капустный хутор. Кругом ни души. В поле одиноко стоял брошенный комбайн и возвышалась огромная куча вымолоченной пшеницы.

Вдруг тишину прорезал пронзительный визг миномета. От взрыва содрогнулась земля, невдалеке фонтаном посыпались комья глины, песок. Даша упала на землю, прикрыв собой детей. Через минуту взрыв повторился ближе.

"На третий раз — в нас попадут" , — промелькнула у Даши леденящая мысль.

Она подняла голову и огляделась, ища какое-нибудь убежище. Затем вскочила, подхватила детей под мышки и кинулась назад, к комбайну.

Высокая трава спутывала ноги, от тяжести занемели руки, было трудно дышать. Когда до комбайна осталось всего несколько метров, Даша с мальчиками вдруг провалилась в какую-то яму. В то же мгновение на месте, где они только что стояли, взорвалась мина.

Придя в себя, Даша осмотрелась и поняла, что они оказались в старом, обвалившемся погребе,

когда-то обложенном кирпичом. Слева виднелись поросшие травой каменные ступеньки. Даша села на землю и обняла притихших от страха детей. Наверху со всех сторон стреляли минометы, рвались снаряды, сыпались осколки, свистели бомбы, зловеще вились самолеты. От взрывов дрожала земля. Все, казалось, утопало в сплошном грохоте канонады.

"Наверное, начинается ад , — дрожала Даша от страха. — Если бы нам кто-нибудь помог! Но кто поможет?"

Даша вспомнила, как очень давно кто-то рассказывал ей о рае, о Боге, Который все может.

"Не смог бы Он спасти нас? — с надеждой ухватилась она за эту мысль. — А вдруг Бог не захочет? Ведь я для Него чужая..." — В памяти тут же всплыло множество плохих поступков.

Даша в нерешительности подняла голову. В густом облаке дыма и огня, петляя, на землю падал горящий самолет. В следующее мгновение взрыв

чудовищной силы потряс землю.

— Господи, прости меня! Не посылай меня в ад! — в отчаянии закричала Даша, закрыв лицо руками, но голос ее утонул в грохоте и визге.

Впервые в жизни она обратилась за помощью к сильному Богу. Дым пожарища густой пеленой застилал небо. Казалось, сама смерть выла и рыкала, желая поглотить перепуганных детей. А они, безза-

щитные, сидели в погребе, крепко обняв друг друга. Надежда на жизнь угасала с каждой минутой.

"Если бы я сделала что-нибудь хорошее Богу, то Он помог бы нам" , — с сожалением подумала Даша и прошептала:

— Господи, если Ты сохранишь нас, я всю жизнь буду служить Тебе!

Где-то глубоко-глубоко в сердце Даши появилась вера, что Бог услышал ее молитву.

Вова с Юрой прижались к сестре, боясь пошевелиться. Они, казалось, даже повзрослели за эти дни и, сознавая опасность, не капризничали, не просили есть. Через короткое время сначала один, потом другой положили голову Даше на колени и заснули. Глядя на них, она тоже захотела спать и, откинувшись на кирпичную стену, уснула.

Несколько раз сквозь сон Даша слышала вой самолетов, свист бомб, грохот рвущихся снарядов. Ей казалось, что вот-вот взлетит земля, но через мгновение она снова засыпала, будто куда-то проваливалась.

Проснулась Даша от глубокой тишины.

"Где я?" — встрепенулась она и от боли в затекших ногах окончательно пришла в себя.

Проснулись и мальчики. Даша приказала им оставаться на месте, а сама поднялась и осторожно высунула голову из убежища. Прислушалась. Тишина. Потом она вылезла наверх, села на край погреба.

"Значит, Бог услышал меня и оставил нас живыми, невредимыми?! Он сохранил нас! — с благодарностью посмотрела она в чистое голубое небо. — Такое мог сделать только Бог!"

Необъяснимая радость наполнила сердце Даши.

— Благодарю Тебя, Господь, что Ты сохранил нас! — чуть слышно прошептала она. — Но мне все равно еще страшно. Я не знаю, как быть дальше...

Изуродованное взрывами поле выглядело жалким и безжизненным. Невдалеке Даша рассмотрела дорогу. Подняв детей из погреба, она взяла их за руки и повела через поле. Неожиданно на дороге показался длинный обоз.

— Садис на кэруцэ! — крикнул какой-то румын, увидев Дашу с детьми, и показал на свою телегу.

Даша не решилась сесть, но пошла рядом с телегой, пока не свернула к ручью. Оттуда до хутора — рукой подать.

Тропинка вилась вдоль плетня. Издалека узнав дом, в котором они ночевали, Даша от радости пустилась бежать к нему напрямик, через поле. Малыши — за ней.

— Даша! Даша! — услышала она тревожный крик.

Даша остановилась. На другом конце поля стояла растерянная мама.

— Не ходи сюда! Здесь мины!

Но детей уже невозможно было остановить.

— Мама, если бы ты знала, где мы были! Это страшней, чем мины! — кричала Даша, задыхаясь от волнения. — Нас Бог сохранил!

Мать, не скрывая слез радости, бросилась обнимать Юрика, Вову и Дашу. Ей все еще не верилось, что все дети живы.

— Мама, Бог правда есть! Я там, в погребе, молилась. Это Он сохранил нас , — волнуясь, сказала Даша, когда они вошли в дом. — И еще я пообещала служить Ему! — торжественно добавила она.

После этих слов на лицо матери легла тень грусти. Печально взглянув на детей, она отвернулась и суетливо стала перебирать вещи в котомке. Даша растерянно посмотрела на мать и молча вышла в огород.

"Почему мама ничего не сказала? Может, она не поняла меня?" — подумала Даша и, глядя на звездное небо, решила: — "Я теперь всегда буду молиться и благодарить Бога".

Недели через две они вернулись в Анапу. Их дом уцелел. Только кое-где обвалилась штукатурка да в окнах не осталось ни одного стекла. Даша продолжала молиться, но тайно. Она почему-то стеснялась матери.

Однажды к ним пришла знакомая бабушка и сказала, что в городе стали собираться верующие. Она пригласила Дашину маму на собрание.

— Нет, не пойду! — резко ответила мама, показывая, что не хочет больше говорить на эту тему.

Бабушка печально вздохнула и ушла. А Дашу это приглашение заинтересовало.

— Мама, поведи меня на собрание , — попросила она, как только подошло воскресенье.

Мать угрюмо сдвинула брови и промолчала.

Но Даша не отставала. Не понимая, почему мама молчит, она чуть ли не каждый день просила ее пойти вместе с ней на собрание верующих.

Вспоминая о том страшном дне и о своей первой молитве, Даша все чаще стала задумываться: кто такой Бог, на самом ли деле Он видит всех и слышит ее молитвы?

Прошло некоторое время, и мама все-таки уступила Даше.

— Так и быть, поведу тебя на собрание, но заходить в дом не буду.

— Почему? — удивилась Даша.

Мать промолчала. Но когда они уже подходили к дому, где собирались верующие, она неуверенно и грустно сказала:

— Я, наверное, зайду. И если там будут проповедовать про блудного сына, значит, Бог меня еще может простить. А если нет, значит, я погибла...

Даша не поняла, что имела в виду мама, но спрашивать не стала.

В комнате, куда они вошли, было человек пятнадцать. Все стояли на коленях и молились. Даша неслышно опустилась рядом с какой-то старушкой

и, чувствуя, как колотится сердце, с интересом стала разглядывать молящихся.

После молитвы спели совершенно незнакомую Даше песню и к столу, стоящему посередине комнаты, прошел уже немолодой мужчина. Он раскрыл книгу и стал громко читать пятнадцатую главу Евангелия Луки. Это была притча о блудном сыне.

Вдруг Дашина мама упала на колени и, перебивая говорящего, зарыдала:

— Господи, прости меня, грешницу! Прости меня, блудную дочь!

По дороге домой мама радостно сказала:

— Доченька, Бог помиловал меня! Теперь мы с тобой всегда будем ходить на собрание.

В тот же день Даша узнала от мамы, что она с детства ходила на собрания, любила Господа и даже была членом церкви, а когда наступило тяжелое время гонений — испугалась, перестала молиться, читать Библию. Отступив от Господа, она думала, что Бог уже никогда не простит ее.

А Даша стала постоянно ходить на богослужения. Она узнала, что Бог любит грешников и для их спасения отдал в жертву Своего единородного Сына — Иисуса Христа. Он умер за грехи всех людей, но Бог воскресил Его. И теперь всякий, кто кается перед Ним, кто верит в Него как в Спасителя, получает прощение грехов и вечную жизнь.

Даша не сомневалась в том, что есть Бог. Никогда, ни за что она не забудет тот памятный день, когда Бог услышал ее, взывающую из кольца смерти! Еще тогда она всем сердцем поверила в могущество Невидимого и теперь тянулась к Нему, хотела знать Его больше, лучше.

Но ведь Бог — святой, а Даша... Ей так хотелось быть послушной, доброй. На деле же это не получалось. С каждым днем она все больше и больше замечала, как много у нее грехов.

Наступил праздник Рождества Христова. На собрании говорили о том, что Спаситель мира родился в убогих яслях. Ему не нашлось места в хорошем доме. Так и по сей день Иисусу Христу нет места в сердцах людей. Они заняты своими заботами и поиском греховных удовольствий. Но Он, милосердный Спаситель, и сегодня еще зовет к Себе грешников и хочет войти в их сердце, хочет подарить им жизнь вечную и избавить от власти греха. Для этого человеку нужно признать себя грешником, покаяться и довериться Христу.

Для Даши эти слова были ответом на давно мучивший вопрос. Когда проповедник пригласил к молитве, она вся в слезах склонилась на колени:

— Господи, прости меня! Прости все грехи мои!

Я так хочу, чтобы Ты жил в моем сердце! Научи меня служить Тебе! Боже, услышь мою молитву, как Ты услышал однажды и спас нам жизнь...

В сердце Даши водворился чудный мир. Живой росток веры, зародившийся в суровое время, пробивался к жизни.

Война еще не закончилась. Народ переживал трудное время. С наступлением весны Даша стала готовиться к крещению. Несмотря на тяжелое время, крещение для церкви было настоящим праздником. Но наряду с радостью появилось и новое переживание. Недобрые, тревожные слухи поползли от дома к дому: километрах в десяти от города, рядом с лагерем для военнопленных, немцы разбили еще один, куда свозили молодежь для отправки в Германию. Вскоре в этом лагере оказалась и Даша.

Однажды поздно вечером со стороны лагеря военнопленных послышался необычный шум. Даша прислушалась и с трудом разобрала чей-то надрывный шепот:

— Дев-ча-та! Дев-ча-та!..

Даша подошла вплотную к колючей проволоке и в густых сумерках разглядела двух мужчин в военной форме.

— Девчата! — приставив ладонь ко рту, снова прошептал один из них. — Если вы сегодня ночью не убежите, завтра вас увезут в Германию.

От этого известия у Даши сердце оборвалось. Она решила бежать. Но как? Всю ночь, почти до рассвета Даша молилась, просила Божьей помощи и

охраны. И снова ей отчетливо вспомнилась первая молитва под бомбежкой. Тихая радость новой струей влилась в сердце.

— Господи, Ты силен сохранить меня и сейчас. Я надеюсь только на Тебя, помоги мне! — доверчиво шептала она.

Под утро Даша уснула крепким, спокойным сном. Но спать пришлось недолго. Девушек, как обычно, подняли рано. Построив по шесть человек, их под конвоем повели на работу. Даше показалось, что охрана в этот день не так бдительна, как всегда. Она отошла немного в сторону, присела в высоком бурьяне, затем бросилась на землю и бесшумно поползла.

"Надо спешить! — трепетала она от страха. — Скорее, скорее! Если заметят — мне несдобровать! Господи, помоги мне уйти отсюда! Я хочу домой! Я знаю, что Ты можешь защитить меня" , — беззвучно просила она.

Даше казалось, что она ползет очень медленно, а трава так громко шелестит... Она ползла до тех пор, пока не занемели руки. Когда Даша поняла, что за ней никто не гонится, то поднялась и, пригнувшись, побежала навстречу солнцу. Она знала, что город находится на востоке. Сначала откуда-то со стороны доносилась непонятная немецкая речь, а потом все стихло. На сердце стало спокойнее, и Даша пошла медленней, вслушиваясь в тишину.

Вдруг из-под самых ее ног пугливо выпорхнула серая птичка. От неожиданности Даша вздрогнула. Издавая тревожные звуки, птаха кружила над головой девочки. "Наверно, у нее где-то здесь гнездо".

К полудню она вышла на широкую асфальтированную дорогу, по которой тянулись тяжелые военные машины. На обочине, тут и там, группами сидели немецкие солдаты.

— Господи, помоги мне пройти мимо них! — умоляюще прошептала Даша.

По другую сторону дороги зеленели длинные ряды виноградника.

"Пойду через него" , — решила Даша и смело вышла на дорогу.

Солдаты обедали. Заметив девочку, некоторые вскочили, выкрикивая что-то непонятное. Но она, не останавливаясь, перешла дорогу и легко сбежала с насыпи.

Даша быстро зашла в виноградник и пошла по длинному зеленому коридору. Переступая через песчаные кочки, она не переставала молиться. Вдруг тишину нарушил громкий свист и тревожные крики. Даша оглянулась. Немецкие солдаты выстроились на насыпи и, жестикулируя, дружно кричали:

— Ми-нэ! Ми-нэ! Ми-нэ!

Даша глянула под ноги и замерла. Из-под песчаных кочек зловеще поблескивали корпуса мин, торчали проволочные головки.

"Как их много!" — ужаснулась она, застыв на мгновение.

— Господи, проведи меня, мне страшно! — горячо помолилась Даша и пошла дальше.

От напряжения у нее дрожали ноги, во рту пересохло. Вот и последний куст. И снова перед ней широкая дорога. Даша устало присела на обочине.

Откуда-то со стороны послышался глухой рокот. На дороге показалась большая немецкая машина. Ни на секунду не задумываясь, Даша вскочила и подняла руку. Машина резко остановилась.

— Подвезите, пожалуйста, в город!

— Садись! — кивнул водитель в немецкой форме, показывая на подножку.

Даша поняла, что нужно сесть в кабину, и взялась за ручку двери.

— Нет-нет, садись на подножку , — скороговоркой пояснил он на чистом русском языке.

Даша села на подножку, и машина, уркнув, поехала. Холодный ветер тугой струей бил в лицо, теребил волосы. Даша обеими руками вцепилась в крыло машины.

Вдали показался город. Машина сбавила скорость и въехала на мост. Шофер подрулил вплотную к перилам и остановился. К нему подошел патруль. Они долго о чем-то говорили по-немецки. Даша сидела ни жива ни мертва.

"Это пропускной пункт , — догадалась она. — Боже, сохрани меня!"

И снова машина медленно тронулась. Дорога пошла на подъем. Даша знала, что впереди еще один пост. Но, что это? — Водитель, не останавливаясь, на большой скорости проскочил мимо! Солдаты подняли крик, свист, вслед раздалась автоматная очередь—. Даша съежилась и, казалось, слилась в одно целое с подножкой.

Вот и город. Здесь Даша знала каждый переулок. Машина свернула к рынку, проехала мимо парка и притормозила.

— Прыгай! — мягко скомандовал водитель.

Соскользнув с подножки, Даша приземлилась в кустах. А машина тут же скрылась за поворотом. Все произошло так быстро, что Даша не успела даже спасибо сказать. В глубоком волнении она огляделась. Кругом ни души. Подозрительная тишина. Даша словно опомнилась и сорвалась с места.

"Только бы никто не увидел меня!" — думала она, чувствуя, как колет сердце.

Вот и родная улица, дом. Распахнув синюю калитку, Даша вбежала во двор. На пороге появилась мама.

— Даша!.. Доченька!.. Как же ты пришла?! — заплакала она. — Скорее... Заходи в дом! Будь осторожна, облава все еще продолжается...

Даша допоздна рассказывала маме, что пережила в лагере, как добиралась домой.

— Это все Господь! Это Он меня сохранил! — часто повторяла она, облизывая пересохшие от волнения губы.

Долго еще мать с дочерью стояли на коленях и благодарили Бога. Он хранил их в трудных, отчаянных обстоятельствах, показывая, что на Него можно полагаться, что Ему нужно доверять. От этой нежной заботы милосердного Отца Небесного вера в сердце Даши росла и укреплялась.

ЛЮБИМЫЙ СТИХ

Теплое солнечное утро. Шурик вышел на крыльцо и зажмурился от ослепительно-яркого света. Наконец-то наступило лето, долгожданные каникулы! Теперь свободного времени будет больше, хотя, конечно, и обязанностей по дому — тоже.

У Шурика было два друга: одного звали Андрей, а другого — Славик. Андрей был высокий, худой, с большими серыми и добрыми глазами. Славик — ниже ростом, с черными волосами и такими же черными, как угольки, живыми глазами. Андрей — спокойный, уравновешенный и покладистый, Славик — энергичный, шустрый и даже слегка задиристый. Но Шурик любил как одного, так и другого.

Мальчики дружили с детства и знали друг друга, как родные братья. Свободное время они всегда

проводили вместе: ходили на рыбалку, ездили на велосипеде за город, а иногда, тайком от родителей, смотрели телевизор у неверующих одноклассников. Вместе с тем они охотно посещали подростковые занятия и воскресные богослужения.

Во всех развлечениях Андрей, Славик и Шурик были единомысленны, по крайней мере до позапрошлого воскресенья.

Наступивший день сулил Шурику много интересного. Родители разрешили ему поехать с друзьями в лес. Наскоро позавтракав, он взял приготовленный мамой обед, вывел из сарая велосипед и через десять минут уже мчался по проселочной дороге.

Подъехав к условленному перекрестку, Шурик увидел друзей.

— Давно ждете? — подал он им руку.

— Нет, только подъехали , — отозвался Славик.

— Ну что, едем?

— Едем!

Пока ребята ехали по поселку, было тепло. Но как только сзади остались последние дома и впереди показался лес, солнце скрылось за тучи, подул ветер, запахло дождем. Мальчики не стали заезжать далеко и остановились на опушке.

— Ну и денек! — разглядывая затянутое темными облаками небо, протянул Шурик.— Холодно, как осенью , — поежился Славик. — Хотя бы дождь не пошел...

— Надо было вчера ехать , — обиженно сказал Шурик. — Я же говорил вам! Такая погода была!

Наступило неловкое молчание. Шурик, насупившись, смотрел в землю.

— Шурик , — заговорил Андрей, и его добрые глаза при этом стали еще добрее , — ты же знаешь, что вчера было подростковое. Мы не хотели пропускать его из-за прогулки.

Шурик понимал и даже соглашался, что Андрей со Славиком поступили правильно, но это почему-то раздражало его. Раздражало именно то, что его друзья стали вдруг поступать правильно, а он совсем не испытывал к этому желания.

Две недели назад Андрей и Славик покаялись, и Шурик стал замечать, что между ним и его друзьями что-то изменилось в отношениях. Он чувствовал, что какая-то невидимая стена отделяет его от любимых товарищей. Нет, они не стали относиться к нему хуже. Но все равно Шурик считал себя оставленным. Теперь Андрея и Славика не интересовали прежние приключения, они перестали бегать к друзьям смотреть телевизор, изменилось их отношение и к подростковым занятиям. А ведь Шурик всегда знал их совершенно другими...

— Ну не возвращаться же нам назад! Давайте поиграем в догонялки и согреемся! — нашел Славик выход из положения.

Набегавшись вдоволь, друзья стали искать место, где можно было бы отдохнуть и пообедать.

— Пойдемте вон туда , — показал Андрей на кучу брошенной прошлогодней соломы.

— Там и от ветра можно спрятаться , — поддержал его Славик, оценивающе разглядывая почерневшую солому.

Ветер заметно стих. Он вяло шевелил солому, путался и терялся в ней. И только верхушки деревьев о чем-то шептались.

— Давайте немного почитаем , — предложил Славик, вынимая из кармана Евангелие.

— Давай! — подхватил Андрей и сел. — Давайте по очереди прочитаем свой любимый стих.

Шурик молчал.

"А какой у меня любимый?" — подумал он.

Он напряг память, пытаясь вспомнить хоть один стих из Евангелия, но, кроме отдельных слов или, в лучшем случае, выражения, ничего не мог вспомнить.

Как издалека, до Шурика донесся проникновенный голос Славика:

— "Господь — Пастырь мой, я ни в чем не буду нуждаться..." Мне этот стих особенно нравится, потому что я тоже стал овечкой Христа. Мне так хочется идти вслед за Ним! Он заботится обо мне, потому что я принадлежу Ему.

— А мне больше всего нравится стих из первого послания Иоанна. — Андрей взял Евангелие и про-

читал: — "Смотрите, какую любовь дал нам Отец, чтобы нам называться и быть детьми Божьими". Я раньше не задумывался над этими словами. Но когда покаялся, они прямо врезались мне в сердце. Как сильно любит меня Бог! И мне очень хочется не только носить имя христианина, но и быть им на самом деле!

— А теперь, Шурик, твоя очередь , — протянул Андрей Евангелие.

Шурик несмело взял его и стал перелистывать, пытаясь вспомнить хоть какой-нибудь подходящий текст. Отказаться ему было неудобно, а читать — нечего. Наконец он остановился на послании Римлянам и начал читать:

— "Братия! желание моего сердца и молитва к Богу об Израиле... — На мгновение он остановился, чувствуя, что читает что-то не то. — ...Во спасение , — продолжил он сдавленным голосом , — ибо свидетельствую им, что..." Голос Шурика стал совсем неуверенным, и он замолчал. Друзья в недоумении переглянулись.

— У меня нет любимого стиха , — густо покраснев, признался Шурик и возвратил Евангелие Славику.

Домой Шурик возвращался с тяжелым сердцем. Серые дождевые тучи, казалось, вползали в его встревоженную душу, усиливая переживания. Ему было стыдно перед друзьями и досадно, что не мог

найти подходящий стих. Ведь он знал немало золотых стихов!

"Это потому, что я совсем перестал читать Библию" , — понял Шурик и дал себе слово читать каждый день.

И все же он не выполнил свое решение. Библия оставалась для него неинтересной, как ни старался он найти в ней что-нибудь увлекательное. Когда же ему попадалась какая-нибудь художественная книга, он с удовольствием прочитывал ее.

Однажды руководитель подростковой группы предложил Шурику "План чтения Библии". Пробежав по нему глазами, он обрадовался: "Вот это мне подходит! Надо хоть раз прочитать всю Библию. Может, там и есть что-то интересное..."

И Шурик снова принялся читать Библию каждый день, преследуя одну цель — найти в ней что-нибудь интересное.

Книга Бытие в основном была ему знакома. Эти истории он не раз слышал и дома, и на детском собрании. Книга Исход сначала показалась Шурику захватывающей и оригинальной. Там так интересно развивались события! Необычная жизнь израильского народа, небывалые чудеса, погоня сильного войска за рабами, смелость и мужество вождя... Но потом начались перечисления, что и как нужно делать в разных случаях жизни.

"Это не для меня" , — не вникая в текст, перелистывал Шурик страницы.

Он читал быстро, совершенно не задумываясь над смыслом. Неожиданно ему бросилось в глаза короткое выражение: "Ворожеи не оставляй в живых". Эти слова всколыхнули его совесть.

Шурик отчетливо вспомнил, как одноклассник принес в школу карты и на перемене гадал всем, кто хотел, а потом предложил и ему. Не в силах пошевелиться, Шурик растерянно смотрел в раскрытую Библию.

"Значит, по закону, тех, кто ворожил, убивали? — Ему стало жарко от этой мысли. — И хотя я сам не гадал, все же... был участником этого мерзкого дела..."

Если раньше Библия была для Шурика непонятной и неинтересной, то теперь она стала страшной и осуждающей.

Несколько недель Шурик не прикасался к Библии. Ему казалось, что в ней записано все, что он сделал плохое, а он боялся узнать правду о себе. Захлестнувшее беспокойство не отступало. Шурик не находил себе места от сознания, что он достоин смерти за все, что сделал в своей короткой жизни. В плане чтения у него так и остались помеченными всего две книги: Бытие и Исход.

На одном из воскресных богослужений, уже в конце собрания, на кафедру поднялся гость.

— "И воззвал Господь Бог к Адаму, и сказал ему: где ты?" — прочитал он из первой книги Библии. — Почему Богу пришлось искать Адама? Что заставило его спрятаться? — спросил проповедник и сам же ответил: — Читая эту главу сначала, мы находим объяснение такому поведению Адама и Евы. Они сделали грех, преступили повеление Бога и сознавали, что заслуживают смерти...

"Я тоже заслуживаю смерти" , — в ужасе подумал Шурик, снова вспомнив свои грехи.

— Конечно, всевидящий Бог знал, где спрятался Адам , — продолжал проповедник. — Но он позвал его, желая избавить от смерти.

Внезапно Шурик понял, что Бог ищет и его. Ищет не для того, чтобы наказать и умертвить за грехи, а для того, чтобы простить. Словно яркий свет залил его сердце. Ему стало стыдно и горько от сознания, что он грешник, что он сделал столько злых и негодных поступков! Да, он заслужил гибель, но Бог хочет помиловать его и дать ему новое сердце — чистое, не злое!

Когда проповедник пригласил всех к молитве, Шурик первый раз в жизни помолился на собрании. Не стыдясь слез, он искренне просил у Бога прощения за все свои грехи.

В тот день Шурик снова стал читать Библию по порядку, с самого начала. Теперь ему хотелось уз-

нать о себе всю правду. И не только узнать, ему хотелось жить по заповедям Божьим.

"И воззвал Господь Бог к Адаму и сказал ему: где ты?" — прочитал Шурик в третьей главе книги Бытие.

"Как я раньше этого не понимал? — удивлялся он. — Да разве я мог понять, скрывая свои грехи? Теперь сразу же буду просить прощения и постараюсь делать все так, как говорит Библия".

Так у Шурика появился первый любимый стих, и он ясно понял, как Бог через Свое Слово разговаривает с людьми.

САМОЕ ПРЕКРАСНОЕ — ДАРОМ

Моя память со всеми подробностями хранит один случай, происшедший однажды в детстве. То был трудный день. Егор, старший брат, кажется, испытывал мое терпение. Он ходил за мной по пятам, и ему почему-то срочно требовалось то же, что и мне. Взял я отвертку подтянуть ручки на шкафу — ему потребовалась отвертка; взялся подклеить книгу — ему понадобился клей. Егору было уже тринадцать лет, а мне — одиннадцать, поэтому почти всегда я должен был уступать ему, хотя и не без боя. Вышел я во двор покататься на велосипеде — Егор тут как тут. Он вцепился в багажник и начал раскачивать велосипед так, что я упал на клумбу и сломал несколько гладиолусов. Потом мы стали драться, так как каждому хотелось взять верх над другим.

Мама уже не раз останавливала нас, предупреждала, что накажет, но мы пропускали все это мимо ушей. Заметив, что она наблюдает за нами через окно, я почувствовал, что заслуживаю наказания, и решил не связываться больше с Егором. Я зашел в дом, взял большой атлас и стал рассматривать его. Увлекшись, я не заметил, как сзади подкрался Егор. Он толкнул меня в затылок так, что я уткнулся носом в книгу.

Это был предел моему терпению. Мы вцепились друг в друга и покатились кубарем. Покрывало с дивана сползло на пол, дорожки поехали под стол, загремел опрокинутый стул, а я оказался на лопатках. Егор торжественно восседал на моем животе. В это время в комнату вошла мама.

— Что здесь происходит? — спросила она строго. — Вы никак не можете успокоиться? Встаньте-ка в угол и не выходите, пока не придет папа. Будете отчитываться перед ним за свое поведение.

Отец у нас был строгий, мы боялись его наказания. Поэтому, постояв немного в углу, решили помириться с мамой до его прихода. Но мама, казалось, не слышала нас.

Сначала я винил во всем Егора. Если бы он не задирался, мама не наказала бы нас. А потом понял, что и сам хорош. Надо было не так вести себя, тогда все было бы по-другому. Сознание вины наполнило мое сердце страхом перед предстоящим наказанием.

Приближался вечер. Вот-вот должен прийти папа. Мама принялась накрывать на стол. Запах жареной картошки приятно щекотал нос, вызывая аппетит, и мы снова начали просить у мамы прощения, напоминая, что сильно хотим кушать.

Мама оставалась непреклонной. Она сказала, что много раз предупреждала нас, но мы не слушались и теперь разбираться с нами будет папа.

На душе было скверно. Я понимал, что заслуживаю наказания, но как хотелось избежать его! Пока еще не пришел папа, у меня теплилась надежда. Но каждый раз, когда мама, выслушав нашу жалобную просьбу, отказывала нам, надежды на избавление от наказания становилось все меньше и меньше. Горькое чувство вины и страха наполняло мысли и чувства.

Папа почему-то задерживался, и мама разрешила нам поужинать. Понурив голову, мы сели за стол. Любимая жареная картошка казалась горькой и совершенно невкусной. Мне уже не хотелось есть.

Мы еще сидели за столом, как за окном послышались папины шаги. Мама велела нам занять свои места в углу.

Сердце мое учащенно билось. Я сознавал, что виноват, но сильно боялся наказания. Не в силах ничего изменить, я сдерживался, чтобы не расплакаться. Было очень жалко себя.

Отец внимательно слушал наш мучительный рассказ и задумчиво смотрел то на меня, то на Егора. Мне казалось, что моя вина несравненно больше тех признаний, которые я произносил, и папа в этот раз должен наказать меня строже обычного.

— У них столько энергии! — вздохнула мама, когда мы замолчали. — Вот они и тратят ее куда попало.

— Энергия — это хорошее дело , — присел папа на диван. — Идите, мальчики, сюда! Скажу вам, что своей силой и энергией нужно пользоваться разумно. Возьмем, например, огонь. Мощная сила, правда?! От огня много пользы: и дом обогреет, и машину заставит двигаться, и пищу поможет приготовить. Без огня и жизнь немыслима. Но полезна эта энергия только тогда, когда ею правильно пользуются. А если огонь неуправляем? — Тогда от него одна беда.

Вы тоже должны уметь управлять своей силой. Библия учит, что тратить ее надо на добрые дела. Это касается и нас с мамой, и вас. Вы сегодня не почистили сарай, не накололи дров, как я вас просил. А могли бы сделать это, да еще и к бабушке сходить, ей помочь. И тогда не было бы нужды вас наказывать.

Отец немного помолчал, затем пристально посмотрел нам в глаза и сказал:

— Чтобы научиться правильно, угодно Богу расходовать свои силы, нужно прилагать старание. А

когда вам это не хочется, когда вы ленитесь и даете себе волю, мы с мамой должны наказывать вас, чтобы помочь научиться управлять собой.

Я хорошо понимал, о чем говорил папа, и соглашался с ним. Мне и не хотелось драться с Егором, но почему-то всегда так получалось, всегда не хватало сил вовремя остановиться. И вот сейчас папа будет помогать...

— Папа, прости меня за плохое поведение, — попросил я. — Мне хочется исправиться...

— Я тоже виноват , — хрипло проговорил Егор. — Простите меня...

Наша вина была налицо, и, хотя я просил прощения, у меня не было надежды, что отец оставит нас без наказания. Но случилось неожиданное — папа простил нас!

Ужинать мы пошли всей семьей. Как только я понял, что папа не будет нас наказывать, у меня внутри все моментально изменилось. Сердце чуть ли не выскакивало от радости, мне хотелось целовать маму и папу!

Тяжелый груз, давивший меня весь вечер, исчез. Жареная картошка теперь была совсем не горькая, ее необыкновенный вкус я помню, кажется, до сих пор.

С того дня прошло пять лет. Настало время, когда я хорошо понял, что мне нужно покаяться перед Богом и примириться с Ним. Много раз я при-

нимал решение исправиться, но напрасно. А совесть не давала покоя. Каждое воскресенье я шел на собрание с надеждой покаяться, но время шло и все оставалось по-прежнему. Во время проповеди я особенно волновался, несколько раз даже пытался встать и покаяться, но ноги не повиновались.

Однажды Слово Божье особенно сильно встревожило меня, но я так и не смог помолиться. И успокоиться я тоже уже не мог.

Дома папа заметил мое волнение и прямо спросил, не хочу ли я покаяться. И тут я не выдержал. Слезы душили меня, и я только кивнул отцу в знак согласия. Мы пошли с родителями в зал, и там, преклонив колени, я каялся в своих грехах и просил у Бога прощения.

Мне всегда казалось, что после покаяния я сразу стану другим человеком. Но ничего подобного не произошло. Я не заметил в себе особенных перемен ни на следующий день, ни даже через неделю. Разум мой мучительно искал ответа на вопросы: правильно ли я покаялся? Простил ли меня Бог? Стал ли я новым человеком? Я подолгу молился наедине, страдал и мучился, спрашивая Бога: "Что со мной произошло? Я не вижу в себе никаких перемен. Спасен ли я? Господи, открой мне, что у меня не так, что мне делать?"

Через неделю, как раз в день моего шестнадцатилетия, папа прочитал мне в пожелание стих из

послания Ефесянам: "Ибо благодатию вы спасены через веру, и это не от вас, Божий дар".

— Бог не обязан нам ничем , — сказал папа. — Запомни это, сынок. Мы — грешники и, по справедливости, достойны смерти. Никто из людей не заслуживает прощения, и Бог не обязан жалеть нас. И все же Он — милостивый. Он прощает нас исключительно по Своей воле. Мы ничего не можем заплатить за искупление и получаем спасение даром, хотя Сын Божий заплатил за него очень дорого. Он умер за наши грехи. Дорожи этим спасением, сын! Потом папа протянул мне Библию и сказал:

— Это наш подарок. Прими его и не расставайся с ним до конца жизни!

И тут меня осенило. Я вдруг понял, нашел ответ на мучившие меня вопросы. Ведь Бог дарит мне прощение так же просто, как любящие родители Библию! Это Его милость, и мне нужно принять этот дар просто и доверчиво. Мне сразу вспомнился тот вечер, когда папа не наказал нас с Егором, хотя мы были достойны того.

Уже испытанное чувство невыразимой радости и глубокого покоя наполнило мою душу. Самое прекрасное, самое ценное что ни есть во вселенной — это спасение, это вечная жизнь с Богом. И Он дарит нам это по милости Своей и хочет, чтобы мы верой приняли этот подарок.

ЭКЗАМЕН

Оля Твердева уже шестой год училась в школе. За это время она успела встретиться со многими трудностями и искушениями. Несмотря на непонимание и насмешки одноклассников и учителей, ей часто приходилось поступать совсем не так, как другие, то есть по-христиански. Иногда это было очень трудно, и тогда Оля просила у Бога силы, чтобы Он помог ей сохранить верность Ему.

Двадцать восьмого мая, за несколько минут до восьми утра, Оля, в белом накрахмаленном фартуке, с букетом пионов, вошла в вестибюль школы. На нее повеяло необычной тишиной и какой-то торжественностью. Несколько девочек из ее класса стояли у окна в конце коридора и что-то вполголоса оживленно обсуждали. Оля подошла к ним и поздоровалась.

— Привет , — отозвалась Нина и тут же затараторила: — Твердева, знаешь, что мы придумали?!

Ты хочешь получить хорошую оценку? — и, не дожидаясь ответа, продолжила: — Мы договорились держать кулаки друг за друга.

— Я не буду , — сразу отказалась Оля.

— Почему?! — разом возмутились девочки.

— Потому что это — суеверие.

— Эта святая всегда с причудами! — прищурив глаза, с презрением сказала Нина.

— Тогда и мы за тебя не будем держать! — с вызовом бросила другая девочка, и все четверо демонстративно отвернулись от Оли.

— За меня не надо , — спокойно ответила Оля, но на нее никто даже не посмотрел.

Одноклассники недолюбливали Олю за то, что она верила в Бога. Нередко ее оскорбляли, особенно когда она отказывалась участвовать в том, что считала греховным или недобрым. А некоторые просто завидовали ее способностям в учебе и не скрывали свою неприязнь.

Девочки продолжали начатый разговор, а Оля стояла в стороне. Она чувствовала себя одиноко и тоскливо. Ей так захотелось домой!

Вспомнив, что утром всей семьей они просили у Господа благословения на предстоящий экзамен, Оля воспрянула духом. На память пришло, как совсем недавно папа объяснял ей, что суеверие — злейший враг истинной веры. Оно возникло в древности, когда люди, оставив всемогущего Бога, ста-

ли поклоняться идолам. Тогда и появились ворожеи, колдуны, прорицатели. Они стали обращаться за помощью не к Богу, а к дьяволу и пользоваться его злыми силами.

Люди еще и сегодня верят в разные приметы. Беззащитные сами по себе, они всегда хотят избежать беды и согласны делать все, что угодно, только к Богу не обращаются. Тогда им на помощь приходит дьявол и учит, что надо делать, чтобы их не постигло несчастье.

И все же люди без Бога глубоко несчастны. Например, многие верят, что будет неудача, если дорогу перебежит черная кошка или встретится кто-то с пустым ведром. Таких примет множество. Сегодня даже книги продаются с описанием разных суеверий. Вот и зажатые кулаки — тоже одно из них. Но это все неправда, и христиане не верят в приметы.

Иисус Христос победил сатану. Он — наш Пастырь, и в нашей жизни ничего не случается без Его воли. А когда Он допускает трудности или беды, то дает и силы перенести их.

От этих размышлений по лицу Оли пробежала легкая улыбка, в глазах блеснул радостный огонек. Она верила, что Бог поможет ей.

В коридоре стоял приглушенный гул. Белые рубашки и воротнички, фартуки и банты настраивали учеников на какую-то торжественность.

— Заходите! — широко распахнув дверь, пригласил учитель.

Мальчики и девочки робко, как будто впервые, вошли в знакомый класс. Сегодня здесь было необычно: большие букеты украшали столы, за которыми сидело несколько преподавателей, а первые три парты были выдвинуты вперед.

Объяснив правила проведения экзаменов, учитель вызвал шесть человек. В первую группу Оля не попала. Как только первый ученик вышел к доске, Нина потянула Олю за накрахмаленное крылышко фартука.

— Зажми кулак. Нужно всем держать! — сверкнув глазами, шепотом приказала она.

— Нет , — также шепотом, но решительно отказалась Оля.

— Пожалеешь! — прошипела Нина.

Оля почувствовала, как затрепетало сердце. Ей не раз доставалось от этой грубой, несправедливой девочки. И все же Оля, как обычно, положила руки на парту и стала повторять правила. Одноклассники видели, что ее пальцы не сжаты в кулак.

В это время у доски Снегирев Сергей уверенно заканчивал решение задачи.

— Отлично! — похвалил учитель. — Можешь идти. Кто следующий?

— Можно? — подняла руку Оля.

Она подошла к столу, где были разложены совершенно одинаковые, небольшие белые листочки. Ей очень хотелось вытянуть именно десятый билет. Учитель выжидающе посмотрел на Олю. Перевернув один билет, она засияла от радости:

— Десятый!

— Садись, готовься , — кивнул учитель.

— Можно я без подготовки?

— Можно , — охотно согласился он. — Сейчас Нина ответит, а потом ты.

Оля села и еще раз прочитала вопросы. Задание было нетрудное. Эту тему она хорошо знала.

Нина отвечала слабо, а уравнение решить так и не смогла. Оля смотрела на нее с сожалением и хотела помочь, но на экзамене делать это нельзя.

— Ладно, Нина, иди. Тройка... — сказал учитель и пригласил Олю.

Оля быстро ответила на первые два вопроса и принялась за уравнение. Когда она обернулась, одноклассники показывали ей растопыренные пальцы.

— Молодец, отлично! — одобрил учитель.

— Она неправильно решила уравнение! — злорадно выкрикнуло сразу несколько человек.

— Как? — удивился учитель и внимательно посмотрел на аккуратный столбик цифр. — Вот где ошибка, Оля , — показал он на недостающий знак минуса.

— Жаль, немного не дотянула до пятерки.

Жаль. Зато четверка — твердая, с плюсом!

Только теперь Оля увидела свою ошибку. Поспешив, она механически пропустила минус... В коридоре к Оле тут же подскочила Нина.

— Ты почему не держала за меня кулаки? — злобно выкрикнула она и замахнулась. — Из-за тебя я тройку получила! Я еще покажу тебе! Получишь вот!

Оля знала, что Нина может побить ее, и ей стало не по себе.

— Вы что, ссоритесь? — неожиданно остановилась около них учительница английского языка.

Девочки молчали.

— Оля, ты уже сдала экзамен? — спросила она.

—Да.

— Тогда иди домой , — сказала она и, легонько подтолкнув Олю, пошла с ней по коридору.

Попрощавшись с учительницей, Оля выскочила на улицу. Все трудности остались позади.

А дома папа с мамой сразу же поинтересовались:

— Ну и сколько ты получила?

Оля рассказала все, что ей пришлось пережить.

— Ты сегодня сдала сразу два экзамена , — мягко сказал отец. — Один — по математике, другой — на доверие Господу. По математике у тебя четверка, зато на верность Господу — пятерка.

Здесь нет минусов.

НАГРАЖДЕННОЕ ТРУДОЛЮБИЕ

Счастлив тот мальчик и та девочка, кто с детства полюбит Иисуса Христа. Эта любовь сделает его жизнь целеустремленной, наполненной смыслом. У таких людей дни не проходят впустую, а все события имеют значение, потому что ими управляет Бог.

Петя жил на окраине большого казахского города. В конце их улицы начиналась степь — место игр для детей и скудное пастбище для коров и овец. Петя был единственным мальчиком в семье. Его старшая сестра уже работала, а младшая еще училась в школе.

Закончив восьмой класс, Петя без сожаления расстался с учебниками и портфелем, радуясь, что наконец-то осуществится его давнишнее желание — пойти в училище, а потом на работу.

Ранней весной, на Пасху, когда не только христиане, но и вся природа ликовала о победе жизни

над смертью, Петя покаялся. Другим словом, он ожил для Бога. В его сердце загорелось стремление быть полезным для дома, церкви и ближних.

Несколько лет назад отец Пети серьезно заболел. Семье пришлось купить корову, потому что отцу каждый день нужно было пить парное молоко. Забота о небольшом хозяйстве уже тогда легла на Петины плечи. Каждое лето он с младшей сестрой возил на велосипеде траву, чтобы заготовить хоть немного корма на зиму.

Петя видел, что отец уже не может работать, и, чувствуя себя совсем взрослым, взял на себя его обязанности. В наступившем году он мечтал заготовить сена на всю зиму. Все, больше он не будет ездить по степи на велосипеде в поисках травы! Он заработает целую машину хорошего душистого сена!

Близлежащий совхоз каждое лето принимал на заготовку сена пенсионеров. Петя решил присоединиться к ним, считая, что проблем не будет, потому что среди них был старший брат его отца — дядя Боря.

— Папа, поговори с дядей Борей, чтобы он взял меня на сенокос! Я буду хорошо работать!

— Боюсь, что он не согласится , — засомневался отец. — Да и трудная это работа — целый день в степи, под палящим солнцем.

— Я выдержу, папа! — заверил Петя. — Поговори с ним! Пожалуйста!

Отец с любовью посмотрел на повзрослевшего сына. Он знал, что Петя трудолюбив, и видел, что после покаяния он полностью изменился: перестал обманывать, не проводил время попусту и изо всех сил старался жить так, как учит Библия.

— Папа, если я привезу сено, мы сэкономим много денег!

— Да, Петя, я знаю, что на сено нужна половина моей пенсии , — сказал отец и, немного подумав, согласился: — Хорошо, я поговорю...

Отец устало закрыл глаза, и Петя бесшумно вышел из комнаты. Отцу нужен был покой, он не мог долго разговаривать. Петя вошел в зал и склонился на колени.

— Дорогой Господь , — начал он молиться , — сделай так, чтобы дядя Боря взял меня с собой! Мне очень хочется заработать сено, чтобы помочь родителям!..

На следующий день дядя Боря пообещал взять Петю с собой. Но когда об этом узнали другие пенсионеры, то запротестовали и не захотели брать мальчика. Какой с него, мол, работник!

Услышав это, Петя сильно огорчился. Ведь он уже три года заменяет в доме отца! Он хочет и может хорошо работать! Его глаза потускнели, обида комом застряла в горле, руки опустились. Что делать?

С тяжелым сердцем Петя преклонил колени. Он еще не был членом церкви, но после покаяния его

отношение к Богу сильно изменилось. Раньше он молился только утром и вечером, и то по-быстрому, чтобы Бог сохранил, благословил, исцелил папу, и все. Раньше он просто знал, что есть справедливый и всезнающий Бог, боялся Его наказания и, если делал что-то нехорошее, старался это скрыть. Теперь же он любил Бога, боялся огорчить Его своим непослушанием, рассказывал Ему о своих трудностях, просил у Него помощи и защиты.

Во время молитвы Петя успокоился, а наутро, когда дядя Боря и другие мужчины уехали на работу, он снова пошел к отцу.

— Папа, можно я сам поеду в какой-нибудь совхоз и поработаю немного?

Отец задумчиво посмотрел на него:

— У нас ни в одном совхозе нет знакомых, сынок. Да и куда ты поедешь? Не сбудется, наверно, твоя мечта в этом году. Даже если ты будешь хорошо работать, тебя обманут... Сейчас такое время...

— Бог сохранит меня! — возбужденно заговорил Петя. — Он поможет мне, я верю! Папа, у нас ведь на самом деле нужда, а я могу работать!

После некоторого колебания, отец согласился. Мама собрала продукты на дорогу, и Петя отправился на автовокзал.

По дороге он сильно переживал, потому что не знал, в какой совхоз ехать — где примут его, где можно заработать сено. И чем ближе подходил он

к автовокзалу, тем сильнее нарастало волнение. В голове неотступно звучали последние слова мамы: "Петя, берегись греха, и Бог поможет тебе!"

Проходя мимо посадочной площадки, Петя увидел большой красный автобус с табличкой: "Широкое Поле".

В кассовом зале он остановился у первого окошка и, протягивая деньги, смущенно произнес:

— Дайте, пожалуйста, один билет.

— Куда? — спросила кассир.

Петя еще больше растерялся. Действительно, куда он едет?

— В Широкое Поле! — вдруг вырвалось у него,

и он почувствовал, как замерло сердце.

Кассир подала билет и сдачу, и Петя, переведя дух, вышел на улицу.

Заняв свободное место у окна, он тут же, мысленно обгоняя автобус, помчался в Широкое Поле.

Он то разговаривал с председателем колхоза, умоляя взять его на работу, то видел себя в бескрайней степи с длиннющей косой в руках...

На сиденье рядом с Петей опустился мужчина. Когда автобус тронулся, он повернулся к Пете и, улыбаясь, сказал:

— Познакомимся? Меня зовут Игнат Петрович.

— Петя.

— Далеко едешь?

— В Широкое Поле.

— Значит, два часа будем коротать вместе! — весело произнес Игнат Петрович. — К бабушке едешь?

— Нет , — вздохнул Петя и неловко замолчал.

Игнат Петрович заметил его смущение и поинтересовался, почему он такой грустный.

Петя доверчиво рассказал своему попутчику о цели поездки. Игнату Петровичу понравился этот простодушный паренек, и он разговорился.

— Я работаю в совхозе по договору, на заготовке сена. Поехали со мной, я попрошу председателя, и он примет тебя. Кстати, я работаю трактористом и мне нужен помощник. Думаю, мы сработаемся.

Петя не верил своим ушам. Он смотрел в глаза Игнату Петровичу, как бы желая убедиться, не шутит ли он, и мысленно благодарил Бога за чудо — это же явный ответ на молитву!

— Ну и как, ты согласен? — спросил Игнат Петрович.

— Конечно! — тут же воскликнул Петя. — Я буду хорошо работать!

— Посмотрим, посмотрим , — усмехнулся Игнат Петрович. — Десять дней надо вставать вместе с солнцем и жариться в степи до самого вечера.

— Ничего! Мне не привыкать!

— Через десять дней получишь свое сено. А если будешь лодырничать — уедешь ни с чем!

Когда на горизонте показалось село Широкое Поле, Игнат Петрович сказал:

— Отсюда еще сорок километров надо добираться, так что только после обеда будем на месте.

"Далеко я забрался , — подумал Петя. — Если бы мама знала, наверно, не отпустила бы..."

На перекрестке, перед самым въездом в село, Игнат Петрович попросил водителя остановиться, и они с Петей вышли. Солнце уже стояло в зените. Зеленовато-желтая степь дышала зноем. Сердце Пети наполняло смешанное чувство радости и тревоги.

Минут через десять на трассе появилась грузовая машина. Игнат Петрович остановил ее и попросил водителя подвезти до совхоза "Луч". Добродушный казах согласился взять пассажиров, и Петя с Игнатом Петровичем поехали дальше.

Вскоре Петя увидел на обочине большую надпись: "Арыкты".

— Вот мы и приехали , — оживился Игнат Петрович. — Здесь ты будешь жить десять дней.

Петя так и не узнал, о чем говорил Игнат Петрович с председателем. Переночевали они в школе, оборудованной для отдыха наемных рабочих, а утром, еще до восхода солнца, вышли в степь. Петя должен был идти перед трактором и граблями поправлять валки. Он легко справлялся с этой задачей и уже на второй день забеспокоился: дадут ли ему сено за такую легкую работу? Игнат Петрович каждый раз успокаивал его и заверял, что без сена он домой не уедет.

Каждый день Петя молился и верил, что Бог слышит его просьбы и благословит его труд.

Прошло десять дней. Рано утром Петя пошел в контору к управляющему и сказал, что ему уже пора уезжать домой, можно ли получить сено.

— А, это Петя? — уточнил начальник. — Бери любую машину, загружай сеном и вези домой!

Петя, словно на крыльях, выпорхнул на улицу. В голове все смешалось от радости и сознания того, что его мечта сбылась.

А дома уже переживали за Петю. Отец ожидал, что через пару дней сын возвратится ни с чем, но прошла неделя, а он не появлялся. Домашние просили Бога, чтобы Он проявил милость к Пете, сохранил его и вернул домой.

И только на одиннадцатый день к калитке медленно подъехала огромная копна. Наконец-то! Из кабины КАМАЗа выпрыгнул улыбающийся, загоревший Петя.

Обнимая счастливого сына, отец с сожалением и дрожью в голосе сказал, что сеновал уже полный. Два дня назад дядя Боря продал им машину сена.

Горько стало Пете. Влажная пелена заволокла глаза, машина с сеном вдруг расплылась, стала бесформенной...

Послышался рокот мотоцикла, и через считанные минуты во двор вошел Иван Никитович, пресвитер церкви. Он приехал узнать, не вернулся ли Петя.

— Как я рад! — воскликнул Иван Никитович, глядя то на КАМАЗ с сеном, то на Петю.

Сразу сообразив, в чем дело, он доверительно посмотрел на расстроенного Петю и сказал:

— Знаешь, у меня серьезная проблема: тете Наде нужно обязательно привезти сено. Ты согласен выгрузить эту машину у нее?

Петя хорошо знал тетю Надю — многодетную вдову. Ее муж, диакон церкви, умер два месяца назад.

— Согласен , — недолго думая, кивнул Петя и запрыгнул в кабину.

Поздно вечером, заполнив сеновал тети Нади, Иван Никитович и Петя присели отдохнуть.

— Удивительное делает Господь! — вытирая со лба пот, с восторгом сказал пресвитер. — Уже несколько дней я искал сено, но так и не встретил подходящего — то очень дорого, то плохое. Тетя Надя с детьми, и я вместе с ними просили Бога помочь, и Он все сделал так удивительно!

Я так рад, что ты, Петя, оказался тем человеком, которым воспользовался Бог. Не огорчайся, что папа не дождался тебя и купил сено. Ты сделал все, чтобы помочь семье, а Бог, видя твое усердие, вознаградил тебя так, что радуются не только твои родные...

ВОСЕМЬДЕСЯТ ДВА КИЛОМЕТРА

По вечерам уже тянуло осенней прохладой. Август подходил к концу. Кое-где среди густой зелени проглядывала желтизна, с верхушек деревьев, как бы невзначай, срывался разноцветный лист и, описав плавную дугу в воздухе, мягко ложился на землю.

Стасик и Коля — неразлучные друзья — жили в одной деревне, на одной улице. Учились они в одном классе и ходили вместе не только в школу, но и на детские собрания. У них было много общего: интересы, приключения, дела, мечты. Они даже родились в один день! Только Коля рос в семье последним, десятым, а Стасик — первым.

В начале июня мальчикам исполнилось по тринадцать лет. Родители подарили им новенькие, со-

вершенно одинаковые велосипеды. С того дня Коля и Стасик только и говорили о подарке. И если им за целый день не удавалось проехать до лесополосы или покататься за селом, они все равно находили причины, чтобы позаниматься своей техникой — подтянуть гайки, подкачать колесо, а то и просто полюбоваться.

У мальчиков были свои постоянные обязанности по дому. Они должны были пасти коров, убирать в сарае, косить траву для кроликов и кур. Стасик по хозяйству часто заменял отца и неплохо справлялся с любой работой. Он привык к тому, что у него все получалось лучше и быстрее, чем у младших.

Почти каждый день Коля и Стасик выезжали в березовую рощу или отдаленные лесопосадки за травой. Им нравилось ездить наперегонки. Как приятно свежий ветер бил в лицо, вздувал пузырем рубашку на спине! Все было отлично, не хватало только спидометра. Стасику с Колей очень хотелось знать, сколько километров они проезжают в день. О чем бы они ни говорили, все сводилось к одной теме: где достать спидометр.

И вот однажды вечером, настежь распахнув дверь, Стасик влетел к другу в дом.

— Коля, в спорттоварах спидометры продаются!

— Откуда ты знаешь? — подскочил тот.

— Андрей Заболотный сказал.

— Здорово! Наконец-то!

Ребята не могли дождаться утра. Им казалось, что спидометры раскупят и им не достанется. К магазину они подъехали чуть ли не за час до открытия и, с волнением заглядывая в окна, пытались рассмотреть витрину.

Наконец они у прилавка. Под стеклом лежал блестящий велосипедный счетчик.

— Смотри , — подтолкнул Коля Стасика. — Совсем недорого!

— Угу , — отозвался Стасик. — Покупаем!

С тех пор поездки стали еще интереснее. Через несколько дней ребята уже знали точное расстояние между своими домами, от школы до магазина, от молитвенного дома до ближайшей лесополосы. Они даже завели тетрадь и стали записывать, сколько километров проехали в день.

— Сколько ты сегодня наездил? — как-то спросил Коля, заехав к Стасику вечером.

— Восемнадцать с половиной.

— А я — двадцать пять! — похвалился Коля с нескрываемым чувством превосходства.

— Ну и что! Подумаешь, на семь километров больше! Даже на шесть с половиной! Завтра, может, я больше проеду , — стараясь казаться равнодушным, ответил Стасик.

Коля уехал, а Стасик приуныл. Непривычно было ему отставать. Старший в семье, он привык первенствовать и только с Колей чувствовал себя

на равных. И вдруг... Коля превзошел его! Неприятные мысли точили сознание. Досада, зависть, желание превзойти Колю — все смешалось в кучу, и Стасик, пнув пустое ведро, вышел из сарая.

— Ты что там гремишь? — добродушно спросил отец и, увидев печальное лицо сына, дружески по хлопал его по плечу: — У тебя что-то случилось?

— И да, и нет , — с горечью ответил Стасик.

— А точнее — да , — поправил отец. — У тебя же на лбу все написано!

— Просто Коля всегда больше меня ездит на велосипеде! Как поставили счетчики, у меня ни разу не получалось обогнать его...

— Значит, вы соревнуетесь? — поднял брови отец. — Так, так. Это, сынок, хорошим не кончится.

Соперничество — это зло, даже очень большое зло!

— Что здесь плохого? — недовольно спросил Стасик. — Просто, мы хотим наездить побольше.

— Плохо то, что ты завидуешь Коле и хочешь обогнать его. Перед Богом это грех. В Библии на писано: "Ничего не делайте по любопрению или по тщеславию, но по смиренномудрию почитайте один другого высшим себя". Тебе знакомы эти слова?

Стасик молча кивнул. Он знал это, но ему совсем не нравилось то, что нужно уступать Коле. И почему он должен отставать? Что, он слабее? Нет, он должен проехать больше и доказать, что это ему

ничего не стоит! Желание первенствовать не утихало в сердце Стасика.

— Всякое соревнование противно Богу, потому что основано на самовозвышении и гордости , — продолжал отец, но Стасик почти не слушал его. — Там нет места ни любви, ни уступчивости, ни смирению. Добиваясь успеха, стараясь проехать больше, чем Коля, ты унижаешь его, а себя ставишь выше. Любовь так не делает. Стасик, поверь мне, что со перничество — это большое зло. От него надо избавляться, и чем раньше, тем лучше.

"Конечно, у Коли намного меньше дома работы , — думал Стасик уже в постели , — вот он и ездит себе, сколько хочет. Нет, все-таки я должен обогнать его!" Долго он ворочался с боку на бок, строил планы, как завтра проехать больше, чем Коля.

Но и на следующий день у Стасика не получилось обогнать друга, хотя он садился на велосипед при первой же возможности. Даже от крыльца до сарая, каких-нибудь два десятка метров он не шел, а ехал. Но как он ни старался, все равно к вечеру его спидометр показывал меньше, чем Колин.

Осталось два дня до школы, и Стасик решил все же доказать, что он может проехать больше. Едва забрезжил рассвет, он на цыпочках выскользнул из дому и осторожно вывел из сарая велосипед.

"Только бы не разбудить папу, а то сразу какое-нибудь неотложное дело поручит" , — подумал он, стараясь бесшумно отворить калитку.

Вскоре довольный Стасик уже катил по пустой дороге. Свежее утро предвещало хороший день. Из-за леса медленно поднималось золотистое солнце. Он выехал за деревню и помчался вдоль лесополосы.

"Сегодня я уж точно обгоню Колю , — подбадривал он себя. — До полудня накручу больше, чем он за целый день!"

Места Стасику были хорошо знакомы. Здесь они много раз катались вдвоем. Он долго ехал вдоль лесополосы. Дорога — гладкая, ровная, как скатерть. Кругом — ни души, только изредка промчится мимо встречная машина или сзади какая-нибудь посигналит при обгоне.

Объездил Стасик все знакомые места, глянул на счетчик — показалось мало.

"Проеду вдоль этой посадки. Там я еще не был" , — решил он и быстрее закрутил педали.

Долго ехал Стасик. Цифры на спидометре значительно увеличились.

"Это даже много , — довольно улыбнулся он. — Пора бы и домой". Проехав еще несколько сот метров, Стасик оказался на перекрестке. Недолго думая, он свернул направо, мысленно оправдывая себя: "День еще впереди. Последний раз катаюсь.

Каникулы кончились, и больше такой возможности не будет".

За перекрестком появился еще один, потом — поворот и снова гладкая дорога и манящая даль.

Увлекшись, Стасик не заметил, что солнце поднялось довольно высоко. Стало жарко.

"Нужно возвращаться , — решил он. — Но в какую сторону ехать? — екнуло сердце. — Как попасть в свое село?"

Стасик миновал еще один перекресток, а вокруг незнакомые места и ни одного указателя. Он остановился и тревожно огляделся. Вдали виднелось какое-то село.

"Это, наверное, Сергеевка , — обрадовался он. — За ним — Хорошево, а там до нашего рукой подать".

Но когда Стасик подъехал ближе, понял — это вовсе не Сергеевка. Спросил у какого-то мужчины, как называется село — и похолодел. До дома было больше тридцати километров!

Тут только Стасик почувствовал, что совершенно выбился из сил. Усталость сковала тело, хотелось есть и пить. Теперь-то он точно проехал больше, чем Коля, но вместо радости почувствовал горечь, на глазах выступили слезы. Ему стало страшно. Сможет ли он вернуться домой до ночи?

В памяти всплыл недавний разговор с отцом и его слова: "Это хорошим не кончится. Соперничество — большое зло..."

На дороге расплывались длинные тени. Становилось прохладно. Стасик дрожал, не столько от попутного ветра, сколько от беспокойства и укоров совести. Достигнутая цель жестоко наказала его душевными муками. Сердце терзалось от сознания вины.

Когда Стасик подъехал к деревне, уже совсем стемнело. От усталости кружилась голова. Спидометр отсчитал восемьдесят два километра... Но эти цифры нисколько не радовали Стасика.

ГРЕХ ОТ ВРЕМЕНИ НЕ СТАРЕЕТ

Лопались почки на деревьях, выпуская клейкие листочки, в воздухе приятно пахло весной. Вот-вот прилетят птицы. У школьников скоро закончится учебный год.

Шестиклассник Леня, белокурый мальчишка из большой христианской семьи, как и все, радовался, что скоро наступят каникулы. Жаль только, что с Равилем придется расстаться.

Равиль — Ленин друг и одноклассник. Сегодня он на первой же перемене подошел к Лене и заговорщицким тоном сказал:

— Пойдем, что-то покажу!

Выбрав в конце коридора укромное местечко, друзья остановились.

— Смотри! — приподнял рукав Равиль.

— Ого! — воскликнул Леня. — Это твои?

— Ага, дома подарили!

На руке Равиля красовались новые блестящие часы. По кругу безостановочно, как живая, бегала секундная стрелка, а на циферблате золотыми буквами сияло: * Салют".

— Какие красивые! — выдохнул Леня.

— Хочешь немного поносить? — с готовностью предложил Равиль, расстегивая ремешок.

Леня не отказался. Он давно уже мечтал о часах и завидовал тем, у кого они были.

Дома Леня долго сидел над домашним заданием и никак не мог сосредоточиться. Мысли снова и снова возвращались к часам. То он видел себя перед витриной с множеством ручных и настенных часов, то представлял на своей руке такие же блестящие, как у Равиля.

Поздно вечером, когда отец пришел домой после собрания, Леня попросил:

— Папа, купи мне часы!

— Часы?

— Да, такие, как у Равиля , — "Салют"! — оживился Леня.

— Это хорошие часы , — заметил отец и, устало опустившись на стул, задумался. — Хорошо, я куплю тебе часы, когда закончишь школу , — пообещал он и, словно оправдываясь, добавил: — Равиль один у родителей, а вас — одиннадцать... И если

купить тебе часы, моей зарплаты не хватит на самое необходимое.

Леня молчал. Он и сам понимал это, но сильное желание иметь часы мешало согласиться с отцом.

— Так долго ждать? — разочарованно протянул он. — Целых два года...

С этого дня Леня ложился спать и вставал с мыслью о часах. Что только ни приходило ему в голову! То он мечтал заработать деньги и купить часы, то представлял себе, что вдруг найдет кошелек, полный денег, то... Одним словом, Леня потерял покой.

Как-то раз утром Леня встретился с Равилем по дороге в школу.

— Давай зайдем в магазин , — предложил Равиль, поздоровавшись. — Мне нужно ручку купить.

— Давай , — согласился Леня.

Равиль достал из кармана часы:

— У нас еще пятнадцать минут в запасе!

Леня видел, что Равиль снова положил часы в карман куртки, продолжая при этом что-то рассказывать. Но Леня почти ничего не слышал.

"Равиль теперь носит часы в кармане. А что, если я возьму их себе? — вдруг подумал он, и ему стало жарко. — Это же воровство! — вздрогнуло сердце, но он постарался оправдаться: — У него родители богатые, они ему новые купят".

На большой перемене Леня задержался в полупустом классе. Его, словно магнитом, тянуло к ве-

шалке, где висела синяя куртка Равиля. Сделав вид, что хочет что-то взять в своем плаще, Леня опустил руку в карман синей куртки. Пальцы нащупали круглый холодный диск. Тайный страх, как электрический ток, пробежал по всему телу. Еще мгновение — и часы скользнули во внутренний карман Лениного пиджака. Так же ловко он продырявил карман куртки и, как ни в чем не бывало, подошел к своей парте.

На Леню никто не обратил внимания. Но украденные часы оттягивали карман, как пудовая гиря, обжигали грудь и, казалось, что было мочи кричали: "Ты — вор! Ты — вор! Ты — вор!" Леня сопротивлялся всем своим существом: "Я тоже хочу часы.

У Равиля папа в магазине работает, он ему еще купит. А я не хочу ждать так долго!"

"Бог все видит! Ты сделал большой грех! — твердило сознание, но он успокаивал себя: — Ничего, никто об этом не узнает. Скоро все забудется. А Равилю купят новые..."

После занятий ребята столпились у вешалки. Каждому хотелось быстрее найти свою одежду и выбежать на улицу. Стараясь скрыть волнение, Леня неторопливо складывал учебники в портфель. В этот раз ему хотелось, чтобы Равиль ушел домой без него.

— Пойдем! — позвал Равиль, на ходу застегивая куртку.

— Сейчас , — не глядя на него, рассеянно ответил Леня и подумал: "Пусть сначала он уйдет, а потом — я".

Когда Леня подошел к вешалке, там уже никого не было.

— Я тебя жду , — сказал Равиль и направился к выходу.

"Только бы он сейчас ничего не заметил!" — замер от страха Леня.

Равиль поджидал друга на крыльце. Теплый ветерок напоминал о весне, в высоченных тополях весело чирикали воробьи.

— Что ты так долго? — удивился Равиль. — Уже все ушли.

Леня промолчал. Равиль стал рассказывать о своих рыбках. Леня старался поддерживать разговор и напряженно следил за каждым движением друга.

"А что, если он сейчас захочет посмотреть время?" — сверлила его сознание тревожная мысль.

Вдруг Равиль резко остановился, растерянно посмотрел под ноги и побледнел. Его рука лежала в кармане.

Внутри у Лени похолодело: "Обнаружил!"

— Что с тобой? — стараясь показаться удивленным, спросил он и отвел глаза в сторону.

— Часы... — часто-часто заморгал Равиль.

— Что "часы"?

— Потерял , — безнадежно произнес Равиль, проверяя то один, то другой карман.

— Как потерял? Где потерял? — сыпал вопросами уже осмелевший Леня. — Может, ты в сумку положил? Давай посмотрим!

— Нет, я точно знаю, что положил их в карман , — горько вздохнул Равиль.

"Признайся! Признайся! — трепетно забилось сердце Лени, но он удержал себя: — Нет, Равиль расскажет родителям. Это будет такой позор!"

— Ты посмотри хорошо! — по-деловому подсказывал Леня.

— Как еще лучше? Нету их, и все...

— В обоих?

— Ну да! — вывернул Равиль карманы.

— Смотри! Дырка! — округлив глаза, выкрикнул Леня. — Может, отсюда и выпали?

— Не знаю... — еще больше растерялся Равиль. — Дырка такая маленькая...

— Эх ты! Зачем носил их в кармане? — поучительным тоном протянул Леня. — А теперь — попробуй найди!

Равиль тоскливо смотрел куда—то вдаль. Ему было очень жаль новые часы.

— Давай поищем! — предложил Леня.

Не отрывая глаз от асфальта, ребята поплелись обратно. Равиль безнадежно вздыхал, а Леня пинал мелкие камешки и старался успокоить его.

— Ничего, найдем...

Мальчики дошли до парадного входа школы и разочарованно переглянулись.

Домой шли молча. Равиль сожалевал о потере, а Леня радовался, что кража удалась и друг не заподозрил его. И только одно беспокоило Леню: как объяснить родителям появление часов. Когда он думал об этом, совесть его билась, как пойманная в клетку птица. Леня знал, что Бог видел его греховный поступок.

Распрощавшись с другом на перекрестке, Леня свернул на свою улицу. И чем ближе он подходил к дому, тем тяжелее становилось на сердце. А что, если родители догадаются? Леня совсем не ощущал радости от того, что у него теперь есть часы.

"Скажу маме, что нашел, — решил он, и его вдруг озарило: — Надо сделать так, чтобы они были не похожи на новые!"

Леня присел и резкими движениями стал безжалостно тереть корпус часов об асфальт. Послышался плачущий, тоскливый скрип. Лене этого показалось мало, и он поднес гвоздь к стеклу. Тонкий жалобный писк застыл в ушах. На стекле появилось несколько глубоких царапин.

Совсем новые часы, как раненые, беспомощно лежали на холодной ладони. Вытащив ремешок, швырнул его в кусты и, еще раз посмотрев на часы, облегченно вздохнул: "Теперь и сам Равиль не узнает их!"

Мама встретила Леню вопросом:

— Где ты так долго был?

— К Равилю заходил , — пряча глаза, отчеканил Леня. — Новых рыбок смотрел.

"Неправда! Неправда!" — тут же застучало у него в висках.

— Мы же договаривались, что ты будешь предупреждать меня, если надумаешь куда-нибудь идти , — вопросительно посмотрела мама.

— Я не успел , — оправдывался Леня, чувствуя, как пылают щеки и уши.

Достав из кармана часы, он протянул их матери:

— Где ты их взял?

— Нашел.

—Где?

— Да там, на улице...

Мать удивленно рассматривала часы, а Леня стоял ни жив ни мертв. Он боялся посмотреть ей в глаза. Ему казалось, что тогда она обо всем догадается.

— Это тебе , — скороговоркой повторил он и пошел в свою комнату.

Проходили дни. Деревья уже оделись в летний сарафан, земля накрылась нежно-зеленым покрывалом. Приближались экзамены. Равиль привык к потере и больше не вспоминал о ней. А Леня все еще терзался от того, что украл часы. Он думал, что станет счастливым, завладев желанной вещью, но получилось наоборот.

Долго еще часы напоминали Лене о воровстве и неправде, но потом отягощенная муками совесть замолчала, и он забыл о часах.

Быстро пролетело два года. В день, когда Леня сдавал последний экзамен, дома его ждал сюрприз.

— Ну, сынок, я исполняю свое обещание , — протянул отец маленькую коробочку. — Держи!

— Часы?! — воскликнул Леня.

— Да. Такие, как ты хотел!

Леня открыл коробочку. На синем бархате лежали часы, точь-в-точь такие, как... Ему казалось, что сердце вот-вот остановится. Как раненая птица, оно вдруг застонало: "Признайся! Признайся! Сейчас самый подходящий момент..."

— Ты заметил, что я купил точно такие часы, как ты нашел два года назад? — спросил отец, не подозревая, какие страдания причиняет сыну.

— Да, — с трудом выдавил он в ответ.

Леня заставил свое сердце замолчать. Постепенно краска сошла с его лица, и он, как ни в чем не бывало, поблагодарил отца и надел часы.

Прошло еще несколько лет. Леня был уже членом церкви, ревностно участвовал в жизни молодежи. Бог простил ему грехи — это делало жизнь радостной, вселяло уверенность в спасении.

Леня долго не встречался с Равилем. Но вот однажды они увидели друг друга в автобусе. Оба ехали на работу и, на удивление, вышли на одной ос-

тановке. Встреча была радостной. Вспомнили былое, обменялись новостями. К сожалению, времени было мало, и они распрощались так же быстро, как и встретились.

"Не успел даже о Боге сказать! — сожалевал Леня, снова и снова думая о неожиданной встрече. — Завтра надо обязательно рассказать, как Бог помиловал меня, пригласить на собрание".

И вдруг, до боли обжигая сердце, Леню пронзило давно забытое: "Ты же вор! Ты украл у Равиля часы и не имеешь права говорить ему о Христе". У Лени опустились руки. О, эти злополучные часы!

"Это было так давно! — пытался оправдаться Леня. — Даже смешно сейчас говорить об этом Равилю. То было в детстве, а сейчас мы уже взрослые, сами можем купить, что хочется*.

Но этих возражений было так мало! Совесть с новой силой стала обличать его. Он молился, просил прощения у Бога, но покой не наступал.

"Зачем? Зачем я это сделал?" — винил себя Леня. Он хотел уже купить новые часы и незаметно положить Равилю в карман, но это тоже не успокаивало.

Леня знал, что освободиться от мук и угрызений совести можно только одним путем: через исповедание. Да, он должен признаться и возместить Равилю ущерб.

"Нет! Только не это! — возмущенно твердил разум. — Это такой позор! Ты потеряешь Равиля на-

всегда и никогда не сможешь сказать ему о Боге. Он просто не будет тебя слушать..."

Это были дни ужасных пыток. Леня торговался со своей совестью, но она все громче взывала: "Признайся! Признайся, и ты будешь свободен!"

Грех многолетней давности вконец истерзал Леню. Он заметил, что его любовь к Библии стала охладевать, на собрании он перестал молиться.

"Я же погибну! — пронзила его новая мысль. — Нет, пусть будет стыдно и горько, но мне нужно покончить с грехом!"

И Леня покорился Божьему зову.

Это было в субботу. С утра Леню наполняло смешанное чувство неотступающей робости и радости от принятого решения. Он много раз мысленно составлял план предстоящего разговора-признания, и от этого его бросало то в жар, то в холод.

На звонок дверь открыл Равиль. В этом не было ничего особенного. Но Леня никогда еще так не волновался при встрече с ним. Он прошел в комнату и остановился у аквариума, рассеянно глядя на лениво плавающих рыбок.

— Садись , — пригласил Равиль.

— Спасибо.

Леня забыл все слова, из головы вылетела приготовленная речь. Он не знал, с чего начать. Мысленно взывая к Богу о помощи, он вытащил руку из кармана и положил на стол деньги.

— Это твое.

Равиль, ничего не понимая, посмотрел на Леню.

— Помнишь, ты в шестом классе часы потерял? — с трудом выговаривая слова, спросил Леня.

— Ну!

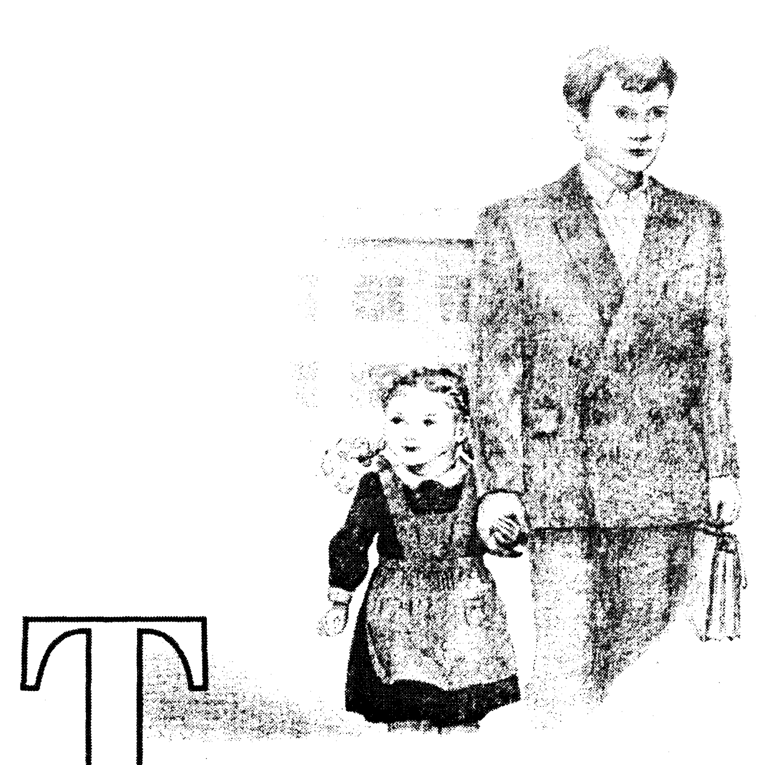
— Ты их не потерял, понимаешь... Я украл их. Теперь вот... купи себе новые, какие понравятся , — сказал Леня и пододвинул деньги на край стола. — Виноват я, прости...

— Да ладно, пустяки все это! Зачем старое вспоминать? — смущенно ответил Равиль.

— Нет, это не пустяки , — грустно сказал Леня. — Это грех, который мучил меня все эти годы. Я думал, что со временем он забудется, но нет. Время не освобождает от греха. Освобождает лишь искреннее признание и Кровь Иисуса Христа.

Знаешь, Равиль, мне хочется, чтобы и ты испытал, что такое настоящая свобода, свобода от греха и тяжести вины. Вот эта книга, — Леня протянул Равилю Евангелие , — открыла мне глаза и помогла прийти к Богу. Почитай ее, она может осчастливить и тебя!

ХИТРЫЕ ЛОВУШКИ

Тридцатого августа в молитвенном доме небольшого сибирского городка было людно. Взрослые и дети пришли сюда помолиться Богу и перед началом учебного года попросить Его, чтобы Он благословил и сохранил всех учеников, помог им быть светом в безбожном окружении в школе.

Это было необычное богослужение. Вместо хора на возвышении сидели школьники и их родители.

Первоклассники заняли две передние скамейки. Среди них сидела и Лиля, голубоглазая девочка с тугими светлыми косичками.

Лиля сильно волновалась. Ей никогда еще не приходилось сидеть там, где обычно сидели хористы. Отсюда зал молитвенного дома выглядел совсем по-другому.

На кафедру по очереди выходили проповедники. Все они говорили о том, что в школе детям бывает очень трудно, что дьявол старается увлечь их всякими приманками и что дети нуждаются в Божьей защите и охране.

А потом была молитва. Сначала молились дети, после них — родители. Многие мамы плакали, и Лиля не могла понять почему. Ведь мама часто говорила, что учиться надо, и это хорошо, почему же она плачет?

Первый день в школе оставил Лиле много впечатлений. Ей понравилось все: девочка, с которой ее посадили за парту, цветы на окнах и на столе, учебники, карандаши, чистые тетради, большая черная доска, на которой можно писать мелом.

После занятий, подхватив портфель, Лиля побежала домой. Ее косички весело подпрыгивали на спине, мелькая яркими бантами. Лиле хотелось все рассказать маме и малышам — она стала первой школьницей в семье.

Быстро пролетела неделя, другая. Учеба давалась Лиле легко, и она каждый день приходила из школы веселая и довольная. Ничего опасного или страшного она не увидела за это время. Ей нравилось читать, писать буквы и цифры, рисовать. И еще ей очень хотелось узнать, что будет дальше.

Однажды Лиля пришла из школы позже обычного.

— Где ты задержалась? — спросила ее мама.

— Сегодня к нам приходили вожатые, и мы после уроков разгадывали загадки, а потом играли.

— Тебе понравилось?

— Не очень. Мальчики толкались.

— А в какую игру вы играли?

— В электрончики.

— Это какая-то новая игра.

— Вожатая сказала, что на земле все состоит из каких-то электронов, и они все время вертятся, — размахивая руками, рассказывала Лиля.

— Понятно. Электроны действительно постоянно движутся. Но как в них можно играть?

— Просто! — Лиля откинула назад косичку. — Один мальчик стоял в центре, а мы прыгали вокруг него и бегали туда-сюда.

— Это нехорошая игра , — задумчиво сказала мама и присела на стул.

— Почему? — испуганно спросила Лиля.

— Потому что она увлечет тебя в греховный мир танца. Это только первый шаг, безобидные вроде движения — попрыгали, потолкались, и все. А потом вожатые включат музыку, и вы будете прыгать под музыку, затем предложат аэробику и еще что — нибудь мирское, что отвлекает от Бога.

Лиля удивленно смотрела на маму.

— Доченька, вот это и есть те трудности и искушения, с которыми встречаются дети в школе.

Помнишь, когда на собрании провожали детей в школу, все молились, чтобы Бог сохранил вас? Взрослые знают эти опасности, потому что сами пережили много подобного. В школе тебя будут учить не только хорошему, и тебе нужно убегать от того, что не нравится Богу, что огорчает Его. Мне тоже было трудно, когда я училась. В то время нас заставляли вступать в октябрята и пионеры. К нам так же приходили пионервожатые и старались увлечь нас в греховный мир разными мероприятиями. Они придумывали очень интересные игры, устраивали соревнования, водили в кино, организовали в школе кукольный театр и разные кружки. Они старались в первую очередь привлечь нас, верующих, уговаривали взять самые хорошие роли, давали бесплатно билеты в кино. Но мы не соглашались, и тогда над нами смеялись, обзывали, настраивали против нас одноклассников и даже выставляли на линейке пе-

ред всей школой, говорили, что верующие самые глупые и отсталые люди. Учителя угрожали, что отнимут нас у родителей и отправят в детдом.

— Как страшно, мама! — прошептала Лиля и прижалась к ее руке.

— Страшно, доченька, но Бог не оставляет нас одних в трудностях. Когда мы хотим быть послушными Ему, Он дает нам силу все преодолевать и быть верными! Не надо бояться, мы с папой не оставим тебя одну. И если ты сама не хочешь участвовать в таких играх, мы поговорим с учительницей, чтобы тебя отпускали домой.

— Поговорите! — оживилась Лиля. — Я не хочу играть в греховные игры!

На следующий день Лиля пришла в школу вместе с мамой. Учительница удивилась ее необычной просьбе, но пообещала отпускать Лилю с внеклассных занятий.

Когда Лилина мама уже собралась уходить, учительница неожиданно спросила:

— В третьей четверти у нас по программе урок психогимнастики. Можно Лиле посещать его?

Лилина мама не спешила с ответом. Она не знала, что это за урок.

— Там нет ничего страшного , — поспешно объяснила учительница. — Это упражнения для умственной разгрузки, чтобы детям легче было заниматься. Если хотите, я передам программу уроков, вы

сами ознакомитесь с ней и убедитесь, что там нет ничего плохого.

Когда Лиля принесла от учительницы программу, папы дома не было. Он уехал на курсы проповедников. Мама, прочитав брошюру, поняла, что эти необычные уроки основаны на гипнозе и связаны с дьявольскими силами.

— Господи, защити Лилечку! — вырвалось у нее со вздохом.

Мама запретила Лиле посещать уроки психогимнастики и передала учительнице записку с просьбой освободить ее дочь от этих занятий. По расписанию психогимнастика была последним уроком, и Лиля просто уходила домой раньше других.

Но однажды Лиля пришла домой грустная и, заглянув на кухню, потухшим голосом сказала:

— Меня не отпустили с психогимнастики.

— Почему?

— На второй урок в класс пришли две тети и дядя. Учительница сказала, что это комиссия и они хотят провести у нас эксперимент.

— Какой эксперимент? — с тревогой спросила мама и отложила работу.

— Не знаю. Они сказали, чтобы мы расслабились, сели свободно, кому как нравится, и постарались не думать ни про математику, ни про родную речь, ни про что! Дядя включил музыку, тихо-тихо, и сказал, чтобы мы представили себя зайчиками

или мишками. А потом тетя велела всем закрыть глаза и представить, что вокруг летает и жужжит пчела. Они еще что-то говорили, но я уже не помню.

Вечером папа попросил Лилю рассказать о необычном уроке и ему. Он слушал внимательно, а потом посадил дочь к себе на колени и спросил:

— Ты знаешь, что такое психогимнастика?

Лиля пожала плечами.

— Я тебе сейчас расскажу. Это сложное слово, и состоит из двух греческих. Первое слово — "психо" — означает "душа", а второе — "гимнастика" — значит тренировать, упражнять. В общем, если сказать проще , — это душевные упражнения. В упражнениях нуждается не только наше тело, но и душа. Самые хорошие упражнения для души — это молитва, чтение Библии и пост. А психогимнастика — это хитрая ловушка дьявола. Он внушает человеку: "Если тебе скучно и трудно, если ты устал или плохо учишься, если с тобой никто не дружит — делай психогимнастику, и все будет отлично". На первый взгляд это, кажется, помогает, но на самом же деле дьявол никого не может сделать счастливым.

Лиля такого еще не слышала и доверчиво смотрела отцу в глаза.

— Уроки психогимнастики построены очень хитро , — продолжал папа. — Сначала вам предложили представить себя красивым цветочком на сол-

нечной поляне или беззаботной зверюшкой в тихом лесу. Это делается для того, чтобы стало интересно и захотелось узнать больше. Потом вам предложат подняться над землей и узнать, что там есть. И наступит урок, когда вас пригласят полететь в космос. Это же очень увлекательно, правда? Конечно, это неправда, что дети могут подняться из класса и полететь в космос. Но встретиться с теми, кто там живет, могут. Так бывает. И это большая беда для человека, потому что там живут злые духи, слуги дьявола.

Когда ты читаешь Библию и молишься, ты приглашаешь на помощь Бога, а тот, кто занимается психогимнастикой , — приглашает дьявола. Такому человеку очень трудно покаяться и прийти к Богу.

Отец открыл Библию и, перелистывая тонкие листочки, сказал:

— Ты помнишь, какое пожелание я говорил вам на проводах в школу?

Лиля смутилась. Конечно же, она забыла, что читал папа.

— Я напомню. Это слова из молитвы Иисуса Христа: "Не молю, чтобы Ты взял их из мира, но чтобы сохранил их от зла".

Господь знал, что нам будет трудно жить в мире, где все пропитано грехом. Потому Он просил Небесного Отца хранить и оберегать нас от всякого зла.

У Бога есть сила защитить Своих детей, только мы должны нуждаться в Его помощи.

На следующий день Лиля возвращалась из школы вместе с папой. Он ходил беседовать с учительницей. Лиля радовалась, что ей уже никогда не нужно будет посещать уроки психогимнастики.

"Хоть и страшно делать что-то не так, как говорит учительница , — думала она, крепко держась за руку отца. — Но я хочу во всем слушаться Бога..."

АЛЕШИНО СОГРЕШЕНИЕ

На улице темно и холодно. Алеша сидит на диване и слушает, как в трубе завывает ветер. А рядом, за столом, сидят две его сестренки и слушают, как мама читает Библию. Они говорят, что это святая книга и что они каждый раз узнают из нее что-то новое и полезное для себя. Но у Алеши не так. Он не узнает ничего нового из знакомых ему историй. Может, это потому, что он еще маленький? Но нет, Алеше уже исполнилось шесть лет, и он скоро пойдет в школу. Ему хочется смотреть телевизор, а слушать, что мама читает из Библии , — совсем не хочется.

"Другое дело — телевизор , — думает Алеша. — Там намного интереснее..."

Он никак не может понять, почему мама считает телевизор идолом и каждый день молится, чтобы Господь помог убрать его из дома. Ну что в этом плохого, если бы сейчас он сидел с папой в зале и смотрел кино?

Раньше они всей семьей вечерами сидели у телевизора. Но с тех пор, как мама покаялась, кино смотрит только папа...

Алеша прислушался к резким звукам, которые доносились из соседней комнаты. Он знал, что в это время по телевизору идет фильм ужасов. А дерутся там как!

Алеша вдруг представил себя героем фильма и принял воинственный вид. Еще бы! Ведь это он сейчас дерется с чудовищем: "Трах! Бах! Так его! Так!" Алеша вообразил, какой он сильный и смелый, ловкий и умный. Мысли унесли его далеко-далеко от мамы, от сестренок и, конечно, от Библии.

Мама уже несколько раз окликнула Алешу, но он не слышал ее.

— Что с тобой, сыночек? — взяла она его за руку. — Ты не слышишь, что я зову тебя? Вставай, молиться будем.

Алеша нахмурил брови — мама оторвала его от таких интересных мыслей! Он нехотя сполз с дивана и опустился на колени. Ему кажется, что мама и сестренки долго-предолго молятся. А когда наступила его очередь, он торопливо произнес несколько

слов, сказал погромче "аминь" и вскочил, чтобы бежать к телевизору. Но мама остановила его:

— Сынок, нельзя так вести себя. Бог — не человек, и мы должны благоговеть перед Ним. Когда молишься, стой спокойно и думай о том, что Бог видит тебя и слышит, что ты говоришь.

Алеша недовольно поджал губы. Ему хотелось, чтобы мама поскорее отпустила его, и тогда он еще успеет посмотреть телевизор. Но мама велела Алеше умыться и ложиться спать. Конечно, этого он совсем не хотел!

И Алеша схитрил. Он сделал вид, что пошел спать, а сам осторожно прокрался в другую комнату к телевизору. Он присел за папиным креслом и забыл про все на свете.

Его сердечко сжималось и трепетало от страха при виде ужасов на экране. А как только кончилось кино, он прошмыгнул в свою комнату и юркнул в постель, довольный, что мама ничего не заметила.

Спал Алеша очень тревожно. Всю ночь ему снилось жуткое чудовище с экрана. Оно преследовало его, хватало своими безобразными лапищами, клацало зубищами. Ему казалось, что страшилище вот-вот схватит его и съест. Такие страшные сны ему еще никогда не снились.

Утром Алеша облегченно вздохнул: наконец-то чудовище исчезло! Чудовище исчезло, но почему так сильно болит голова?

— Сыночек, ты заболел? — ласково спросила мама и сунула ему под мышку термометр.

Алеша и сам не знал, заболел он или нет, но мама велела ему еще полежать.

— Тридцать шесть и шесть , — через десять минут сказала она , — все нормально, мой мальчик!

Но Алеша не чувствовал себя нормально. Целый день ему было плохо — он никак не мог забыть то страшное чудовище, которое его чуть-чуть не проглотило. А когда наступил вечер, Алеше стало еще страшнее. Ему казалось, что страшилище из фильма прячется под кроватью и вот-вот выскочит оттуда и проглотит его.

Алеша пошел к маме и признался ей во всем.

— Сынок, а ты не забыл золотой стишок: "Дети, будьте послушны родителям вашим во всем, потому что это благоугодно Господу"?

— Нет.

У Алеши хорошая память.

— А как ты думаешь, ты хорошо сделал, что вчера обманул меня?

"Ну зачем она спрашивает такое? — подумал Алеша. — Конечно же нехорошо!"

Он поднял глаза и жалобно посмотрел на маму.

— Хорошо? — снова спросила мама.

Алеше стало очень стыдно, и он попросил у нее прощения.

— Сынок, ты не только меня огорчил, но и перед Богом согрешил, потому Он и не хранил тебя.

Алеша сильно пожалел, что не послушался и смотрел телевизор. Он уткнулся маме в плечо и заплакал.

— Иисус любит тебя, Алеша, и, если ты понимаешь, что виноват, давай помолимся, попросим у Него прощения, и Он простит тебе.

Алеша встал на колени.

— Дорогой Иисус, прости, что я не слушался маму. Я больше не буду смотреть телевизор! Пошли мне хороший сон!

После молитвы Алеша сразу лег спать и не заметил, как уснул. Всю ночь он спал крепко и сладко.

Лето новой жизни

Христианские рассказы
для детей

ISBN 5 8404 0234 4
9 785840 402351